

Annotation

Я безумен. Я одержим. Рядом с ней я забываюсь. Я теряю голову. Я делаю то, что мне не свойственно. Я не контролирую себя. Я хочу ее, но я боюсь. Она стала для меня целым миром. Она то, за что я держусь в минуты отчаяния. Ради нее я пройду все круги ада. Только, чтобы увидеть ее улыбку, услышать ее смех. Она – моя ахиллесова пята. Сладкая заноза в сердце. Девушка, которую я собственноручно утвердил НЕОСПОРИМОЙ.

* * *

Пролог

И сказал мне ангел чуть-чуть продержись.

Я завтра подарю тебе новую жизнь.

Завтра подарю тебе новую жизнь.

© Баста feat. Полина Гагарина – Ангел Веры

Аравин достал из кармана кожаной куртки листок бумаги. Быстро пробежал глазами, изучая содержимое, и убедившись, что находится в нужном месте, нажал на кнопку звонка.

Убрал руку, выждал пару секунд и нажал еще раз.

– Если пришел без поила, проваливай на х**, кто бы ты ни был! – крик из квартиры звучал приглушённо, но в мужском голосе явно слышалось недовольство.

Аравин разозлился. И раздражали его не столько слова, сколько промедление.

Он слишком долго ее искал!

Сердце обрывалось при мысли, что и этот след окажется ложным.

Две недели назад Глинский уверил его, что видел Алису собственными глазами. Но, имея позади годы безуспешных поисков, Егор не верил уже никому и ничему.

Нужно было немедленно разрешить эту ситуацию.

Увидеть девушку своими глазами.

Да – да, нет – нет.

Он снова нажал на кнопку звонка. И в этот раз держал ее, не отпуская. Из-за двери доносились недовольные мужские ругательства. И это еще больше распяляло его. В груди закипела ярость. Раскатистые удары собственного сердца звучали для него сейчас слишком громко.

Аравин готов был вынести к чертям входную дверь этого притона. А судя по ее обшарпанному виду, огромного труда для этого не потребуется.

В момент, когда его злость достигла апогея, дверь с противным скрипом отворилась. Егор жаждал обрушить скопившуюся ярость на мужчину. Просто убить его, размазать по стенам этого захудалого подъезда. Только за то, что Алиса здесь. С ним. Не дома.

Но выплеск гнева не произошел.

Аравин растеряно посмотрел перед собой. На пороге стояла девчонка лет тринадцати. И вид у нее был не менее злой, чем у Егора.

– Какого хр*на тебе нужно? – сердито спросила малявка.

Она машинально посмотрела ему в лицо. Отвела взгляд. И снова вернула его. Теперь он был пропитан недоверием. Злость рассеялась.

Аравин четко уловил на ее лице эти эмоции. Но ему было глубоко безразлично поведение девчонки.

Первое – это не Алиса.

Второе – ему попросту плевать на все, что здесь происходит.

Он молча отпихнул девчонку в сторону и решительно шагнул вглубь квартиры.

Затхлый воздух непроветриваемого помещения вперемешку с одурманивающими парами дешевого алкоголя ударил ему в ноздри. В прихожей было темно и тесно. И Аравин двинулся на свет, спотыкаясь в темноте незнакомой квартиры.

Он прошёл в маленькую кухоньку. Там было пусто.

Морозный воздух проникал сквозь открытую форточку и проворно вытягивал ароматный пар из приоткрытой кастрюльки на старой газовой плите. Видимо, кто-то недавно готовил. Сердце Егора забилось быстрее. Он резко развернулся, едва не сбив с ног малявку, которая молчаливо шла за ним.

Он прошагал в ближайшую комнату и застыл в дверях. Спальню освещала только небольшая настольная лампа. Ее свет ложился на левую половину низкой кровати, где лежала девушка.

Это была Алиса. Он узнал ее сразу же. Несмотря на то, что видел в последний раз

три года назад. Золотистые локоны выдавали ее.

Сердце ухнуло куда-то вниз и через секунду забилось с удвоенной силой. Аравин ощутил дрожь в руках и твердо стиснул кулаки, стараясь подавить непривычную реакцию.

Он подошёл к постели и неверующими глазами уставился на лежавшую девушку.

Она была укрыта по самую шею несколькими одеялами. Егор видел только ее лицо, и этого было достаточно, чтобы понять насколько она худая. Буквально тощая. Острые скулы торчали на когда-то милом личике.

Она тяжело дышала. Веки ее были сомкнуты, но слегка подрагивали. Словно девушка силилась их открыть. На гладком лбу выступила испарина, даже волосы на голове казались мокрыми

– Алиса, – выдохнул мужчина.

И девушка открыла глаза, довольно быстро, будто этот зов помог ей справиться.

– Я знала, что ты придешь, – голос ее был очень тихим и низким. Чем-то напоминал шелест листвы по утрам. Такой же безликий.

Аравин смотрел на девушку молча, почти не дыша. Он понимал, что нашел ее слишком поздно. Нужно было приехать раньше. Оставить тот чертов бой!

Две недели назад звонок частного детектива застал его в США. Он стоял в раздевалке. Тренер уже наматывал бинты на его руки. В преддверии боя, Егор был полон энтузиазма. Но после разговора весь запал как будто испарился.

Он хотел уехать сразу же! Бросить все!

Именно тренер убедил его, что за пару часов ничего не изменится. Но в голове Аравина был полный раздрай. Он не мог сфокусироваться на технике, сопернике и поединке в целом.

Бой был проигран. А затем неделя восстановления в больнице. Оттекшие глаза, разрубленные бровь и губа. Ни один бой раньше не оставлял Аравину таких последствий. Но все это было лишь мелочью по сравнению с тем, что творилось в его душе.

Он не мог спать и есть нормально. Рвался в Россию. К ней. Мучимый сомнениями, ведь, Глинский мог и ошибаться.

Но не ошибся. И фраза Глинского, что Алиса очень плоха, тоже оказалась правдой. Но тогда она еще выходила из дома. А сейчас было видно, что ей это не по силам.

– Ты в ссадинах, – сказала Алиса. – Я переживала за тебя. Тот бой был ужасным.

Он кивнул, не в силах рассказать, что творилось в его голове тогда.

Девушка закашлялась. Спазмы душили ее долго и мучительно. Егор видел, как из-под закрытых век скатились тонкие ручейки слез.

Приступ испугал его. Но ни один мускул на его лице не выдал этого. Лишь в глазах вспыхнуло отчаяние.

Он не хотел верить, что Алиса снова покидает его! И в этот раз навсегда.

– Все будет хорошо, – твердо сказал он, присаживаясь у кровати. Он хотел взять девушку за руку, но не решился поднимать одеяла и искать ее там.

Поэтому он просто склонился и обнял ее поверх одеяла, прижимаясь головой к лицу и ощущая исходивший от нее жар.

– Я всегда любила тебя, брат, – прохрипела Алиса. – Ты был единственным, по кому я скучала.

Егор поднял голову, всматриваясь в изнеможенное лицо.

– Почему ты не возвращалась? – задал он вопрос, который мучил его эти годы.

Он понимал ее протест родителям. Но после их смерти он каждый день ждал, что она вернется. Ведь понимал, что она знает. Тогда об этой новости писали в каждой газете. Наверняка и до этой провинции дошли слухи.

– Мне было стыдно, – румянец проступил на ее бледных щеках в подтверждение тихих слов. – Да и поздно было. Пути назад не было.

– Какая же ты глупая, – беззлобно выдавил мужчина.

– Забери ее с собой, – вдруг попросила Алиса.

– Кого? – не понял Егор.

– Стасю. Забери... ее, – она едва выговорила последнюю фразу, так как снова закашлялась, и в этот раз Аравину показалось, что она кашляет еще дольше. Надрывно глотая воздух и пытаясь подавить спазм.

Наконец она затихла, открыла глаза и тяжело вздохнула.

– Люблю тебя... – прохрипела она.

– И я тебя, – но Алиса его уже не слышала. Веки девушки закрылись, хриплое дыхание оборвалось. В комнате внезапно стало очень тихо.

И тогда Аравин услышал позади себя горестное рыдание.

Он резко обернулся и увидел зарёванную девчонку в дверном проеме. Ту самую, которая открывала ему дверь.

– Она ум-мерла? – безнадежно спросила малявка, всхлипывая.

Егор не хотел ей отвечать. Он не хотел произносить эти слова вслух. Ему хотелось прогнать прочь эту нищевродку и посидеть у тела сестры еще немного. Поэтому он молчал.

Он отвернулся. Но его снова потревожили.

В комнату ввалилось пьяное тело. Мужчина лет сорока, шатаясь, проковылял к постели, на которой лежала Алиса.

– Все? – спросил он. И этот вопрос выражал полное равнодушие. Подводил черту, не более.

В груди Аравина вновь вспыхнула ярость. Кулаки зачесались, просясь съездить по отвратительной роже пьянчуги. Но он подавил в себе это желание. Не здесь и не сейчас.

Он встал и, смерив сожителя сестры свирепым взглядом, рыкнул:

– Вышел!

Повторять не пришлось, пьянчуга оказался сообразительным. Он покинул комнату намного проворнее, чем входил в нее.

Аравин достал из кармана телефон.

– Она мертва, – сухо сказал он в трубку. – Организуй все, что нужно. Я хочу забрать ее сегодня же.

Коротко. По факту. Только фразы, как будто не его. Словно кто-то другой здесь сейчас стоит. Не Егор. И не его сестра лежит мертвая. Осознание придет позже.

Тем временем девочка подошла к кровати и протянула руку к все еще влажному лбу Алисы.

Аравин хотел отдернуть ее. Но вновь сдержал себя, понимая, что именно девочка ухаживала за его сестрой. В комнате было чисто, несмотря на давно порванные обои и дырявые половицы. Постель застлана чистым бельем. На столе остывающий суп и кусочек хлеба, которые так и не отведали. Все аккуратно, на маленьком подносе.

Занавески на окне нет, но оно закрыто белым ватманом, на котором кто-то умело нарисовал простым карандашом зимний пейзаж. Подоконник облезлый, но чистый.

– Ты правда заберешь ее? – голос девчонки звучал испуганно. Она больше не всхлипывала, только щеки оставались влажными и румяными.

Егор не ответил, лишь смерил ее пустым взглядом.

– Можно мне прийти на похороны?

В этот раз он кивнул.

– Она часто о тебе говорила, – поделилась девчонка. – Когда он не слышал, – последняя фраза произнесена очень тихо, словно она чего-то опасается.

– Он? – наконец отреагировал Аравин.

– Мой отец, – в этой фразе улавливалось только отвращение. Девочка даже поморщилась.

– Как тебя зовут? – спросил Егор, вспоминая последние слова сестры.

– Стася.

Так вот о ком была просьба Алисы.

Но он совершенно не хотел ее выполнять! Не хотел забирать отсюда что-либо или кого-либо! Только Алису! Зачем ему эта обуза в виде депрессивной малолетки? Ясно, что она к своим годам дерьма нахлебалась. И рано или поздно оно из нее попреет. Это отпечаток на всю жизнь. По себе знает. Только ему ринг помогал справляться со своей агрессией. А дома ему нужна тишина и одиночество.

И все же Аравин попросту не мог проигнорировать последнюю просьбу сестры. Как же много он хотел для нее сделать! И не успел.

– Поедешь с нами, – сказал он, прокашлявшись, исправился: – со мной. Алиса так хотела.

В конце концов он потом решит, что с ней делать.

Егор планировал, что уедет отсюда не один. Но никак не предполагал, что забирать будет мертвую сестру и незнакомую девчонку.

– Это не обязательно, – возразила Стася, упрямо вздернув голову и вульгарно шмыгнув носом. – Я же знаю, ты не хочешь, – но в строптивном голосе слышалась надежда. – Да и отец меня не опустит.

Мужчине отчаянно хотелось согласиться с доводами девочки. Но он не мог.

– Твой папаша уже спит. Вон храп на всю квартиру.

Стася прислушалась и кивнула.

– Завтра, когда он проспится, мой адвокат решит с ним все дела. Отказ от родительских прав и попечительство. Все законно.

– Купишь меня, как лошадь? – в детском голосе так много возмущения.

Аравин негромко хмыкнул.

– Сдалась ты мне... – откровенно ответил он. И тут же добавил: – Если бы не она.

Девочка машинально повела за его взглядом и снова всхлипнула.

– Сколько тебе лет? – спросил Егор. Слушать ее рыдания не было сил. Самому тошно.

– Пят-над-цать.

– Собирай вещи, – ему так необходимы еще пара минут наедине с сестрой.

– Ты не с-сказал, ч-что собираешься со м-мною делать? – не унималась Стася.

Он смерил ее серьезным, но в тоже время отстраненным взглядом:

– Я куплю тебе новую жизнь.

Глава 1

Здравствуй мир, в котором я нужен кому-то.

В котором я буду жить, жить, а не как будто.

Буду делать добро и это добро в тайне хранить.

© Баста feat. Полина Гагарина – Ангел Веры

Год спустя

Стася вышла из школьного автобуса и, попрощавшись с одноклассниками, пошла вдоль улицы к своему дому. Дому, в который она с удовольствием возвращалась. Где было всегда уютно и тепло. Где ее ждали. О ней заботились.

Девочка медленно привыкала к новой жизни.

Поначалу все казалось странным и непривычным. Ворчливая бабушка Аравина Александра Михайловна и вечно снующая по дому прислуга. Учеба в гимназии, новые одноклассники и новые учителя. После уроков репетиторы по рисованию и английскому.

Жизнь стала более насыщенной. Настоящей. Без голода, усталости, грязной работы за копейки. Она просто училась, впитывая в себя знания как губка. Наверстывала все, что когда-то упустила. Ее мало волновало, что она была на год старше своих одноклассников. Комплексов это у нее не вызывало. Она, как и все ее сверстники, готовилась к взрослой жизни, к поступлению в хороший ВУЗ, потому что была уверена, что Аравин ей это обеспечит. Пускай он ни разу не навестил ее за этот год, но зато исправно переводил деньги на ее счет, оплачивал школу и репетиторов. В конце концов фактически именно он кормил и одевал ее.

Иногда Стася слышала, как Александра Михайловна разговаривает с Егором по телефону. Она делилась успехами Стаси. И при этом умалчивала о проступках. Прямо говорила, когда нужны были деньги. Именно она настояла, чтобы девочка ходила в художественную школу. Заявила, что у Стаси настоящий талант.

Девочка рисовала сейчас часто. Был запал и свободное время. Рисую, она выплескивала на бумагу свои эмоции – злость, раздражение, печаль и радость. Это помогало навести порядок в голове.

Она только училась радоваться простым мелочам, отпускать страхи, наслаждаться каждым моментом. При этом быть терпимее к другим людям.

Александра Михайловна никогда не смотрела бои Егора. Ей не нравился бокс в

целом. И еще больше не нравилось, что этим занимается ее внук. Стася же внимательно следила за его карьерой. К этому ее приучила Алиса. И без этого уже никак. Девушка знала про Аравина буквально все. Она боготворила его!

И завтра они увидятся. Повод грустный – годовщина смерти Алисы.

Подул северный ветер и снежные хлопья лениво посыпались на непокрытую голову девочки. Она набросила капюшон пуховика и запахнула ворот плотнее. Предвидя ворчание Александры Михайловны по поводу шапки, Стася улыбнулась.

Она свернула с дороги на обочину. Ярко-красные угли мягко утонули в белоснежном снегу, и девушка беззаботно взбила снежную крупу ввысь. Странное зрелище она сейчас являла, шагая по колено в снегу, в то время как можно было идти по вычищенному тротуару.

А она просто очень любила снежную зиму. Даже тогда, когда у нее не было теплой одежды.

Ей казалось, что снег приносит перемены.

Стася сунула в ухо наушник. Плеер у нее не выключался никогда. И сейчас там звучала Iowa: «Только улыбайся, улыбайся. Невесомости поверь и отдайся.

Улыбайся...»

Отдаться невесомости не получилось. Стася услышала позади себя клик:

– Настя! Настя! Сладкова!

После переезда девочка всем представлялась, как Анастасия и называли ее, следовательно, чаще всего Настей. Одна Александра Михайловна противилась. Она говорила, что ей не подходит имя Настя.

– Чего? – она обернулась, узнав голос своего соседа.

– Погуляем завтра?

Стася смерила подбежавшего парня внимательным взглядом. Артем был старше ее на пару лет и уже учился в столичном университете. Высокий, симпатичный парень с густой шевелюрой. Довольно умный и приятный в общении.

Иногда они вместе гуляли по окрестностям их загородного поселка.

Артем откинул заснеженную челку со лба и широко улыбнулся.

– Ну так как? Пойдем к пруду? – повторил он свой вопрос.

– Нет, я занята, – коротко ответила Стася.

Серьезность Стаси его никогда не смущала. Но она все же попыталась смягчить взгляд.

Артем понимающе кивнул.

– Тогда я позвоню в воскресенье, – он свернул к своему дому и помахал ей рукой,
– пока.

Стася коротко махнула рукой в ответ и повернула в противоположную сторону. У ворот ее уже ждал охранник, Иван Борисович.

– Привет, Настя, – приветствовал он ее.

– Здравствуй, Борисыч, – девочка натянуто улыбнулась ему. Не потому что неискренне, а потому что тяжело ей это давалось. – Снова снег пошел.

– Ага, ребятам работы прибавилось.

– Сильно не вылизывайте, – Стася кивнула головой в сторону заснеженного двора.

– Да для тебе уж снега оставим, – согласился Борисыч. – Снеговик лепить будешь?

– А как же! – радостно воскликнула девочка.

– Ну давай шуруй уже. Грейся. Баба Шура с обедом ждет.

Стася кивнула и быстро побежала к боковой двери большого двухэтажного дома.

Она любила заходить через кухню. В ноздри сразу же врывались вкусные запахи. Как сейчас – аромат пирожков.

Кухня Александры Михайловы имела особый уют. Деревянные панели и паркетный пол гармонично сочетались со светлой дубовой стенкой. Никаких излишеств и наворотов. Из техники только холодильник и микроволновка. В центре круглый стол, застеленный цветастой скатертью, и четыре стула. В дальнем углу небольшой мягкий диванчик и король помещения кресло-качалка.

Готовила в их доме исключительно Александра Михайловна. Чтобы там ни было, никто из прислуги к плите не допускался.

Закрыв за собой дверь, Стася обернулась и встретилась с теплым взглядом Аравиной.

Это была высокая пожилая женщина в кримпленовом голубом платье и опрятном переднике. На голове, как обычно, объемная прическа, которая делала женщину еще выше.

Бабушка Аравина была очень простой. Любила крепкое словцо. При этом не стеснялась абсолютно никого. По ее же словам выросла она в бедной рабочей семье. К роскоши не привыкла и становиться светской леди не стремилась. Если надо по ж*пе врежет смело.

Стася невольно рассмеялась воспоминаниям.

– Хохочешь... Это хорошо, – Александра Михайловна тепло улыбнулась Стасе.

– Привет, – поздоровалась девочка.

– Не слышу, – заупрямилась женщина.

– Привет, баб Шура! – исправилась девочка.

– Привет, Стаська.

Александра Михайловна в первый же день заявила, чтобы девочка называла ее исключительно бабой Шурой. Никаких отчеств и других пижонских штучек она не терпела.

Бывало всякое за год их совместного проживания. И споры, и ругань. И даже пару серьезных скандалов с применения крепких матов с обеих сторон. Первый произошел спустя два месяца после переезда девочки.

Стася не любила читать художественные произведения. Это было самое бесполезное занятие, которое она только могла себе представить. На первые две двойки по литературе Александра Михайловна отреагировала спокойно. Но после третьей она потребовала от Стаси немедленного прочтения Толстого с последующим пересказом в деталях.

Девочка категорически отказалась. И Баба Шура с совершенно спокойным лицом впихнула Стасю в комнату и заперла. Девочка пришла в ярость. Она колотила кулаками в дверь и гневно выкрикивала ругательства, самими безобидными из которых были «несносная старуха» и «старая карга».

Но Александра Михайловна была непреклонной. Она продержала девочку в комнате четыре дня. Только еду и питье приносила.

Первые дни Стася игнорировала появление женщины. К еде не притрагивалась и не разговаривала. Но увидев, что баба Шура совершенно не реагирует на подобный бойкот и готова держать ее взаперти бесконечно, решила пойти на компромисс. Они договорились, что девочка прочтет сокращенный вариант произведения и впредь так же будет поступать с остальными книгами.

Вопрос с литературой был решен, и мир снова воцарился в доме Аравиных. Но ненадолго.

Через пару месяцев Александру Михайловну вызвали к директору гимназии из-за драки. Высокомерным и нудным голосом ей рассказывали про агрессивность Стаси, последствия безотцовщины и дальнейшую пропашую жизнь. Женщина терпеливо слушала. Последней каплей для нее стало замечание директора по поводу судьбы Алисы. Она отшатнулась, будто получила пощечину. А Стасе стало очень обидно! Не за себя! За бабу Шуру! Она вскочила с кресла, в котором сидела и импульсивно выпалила:

– Да наш адвокат вас по судам затаскает за одно только упоминание имени Алисы!

Чистый блеф. Но уверенность в голосе девочки заставила директора сомневаться в своем праве делать подобные выводы.

А затем еще и Аравина поднялась с кресла и грозно добавила:

– За драку я Анастасию накажу. Остальные вопросы решайте с нашим юристом.

Стася и правда получила свое наказание. Баба Шура дала ей два дня на внепрограммное чтение. Это была самая занудная вещь, которую Стася когда-либо читала. Философские произведения Канта – «Критика чистого разума». Но она прочла его безоговорочно. Больше половины не поняла, но прочла. Благо, пересказа Александра Михайловна не потребовала. Сказала, что подобный бред помешает ей спокойно умереть.

А девочке вдруг стало страшно. Ведь, женщине было около семидесяти. Мысль о том, что она снова может оказаться одна, испугала Стасю. Возвращение к отцу ей, конечно, не грозило. Но приют – очень даже. И девочка начала мириться с новыми правилами. Александра Михайловна стала для нее безоговорочным авторитетом. Стася восхищалась твердостью ее духа и принципиальностью.

Появилось еще чувство жалости, которое девочка старательно прятала в себе. Неприятное такое ощущение. От него першило в горле и жгло в глазах.

Александра Михайловна пережила смерть мужа, единственного сына, невестки и внучки. Егор не навещал ее ни разу за то время, что Стася здесь жила. Сугубо телефонные разговоры. Но стойкость духа и жизнелюбие никогда не покидали Аравину.

Стася сняла с плеч тяжелый рюкзак и тубус. Положила их на диван и, сняв пуховик, отнесла его в прихожую.

– Опять без шапки, твердолобая! – недовольно заметила баба Шура, когда Стася вернулась.

Девочка лишь улыбнулась на брюзжание Александры Михайловны.

– Она в рюкзаке.

– А должна быть на голове, – ворчливым тоном сказала баба Шура и отвернулась к плите. Она нарочито загремела кастрюлями, показывая свое недовольство.

Девочка тем временем скользнула за стол.

– Руки помой, – не оборачиваясь, скомандовала баба Шура.

Стася послушно выполнила требование, и вскоре перед ней исходила паром тарелка горячего грибного супа. Девочка повозила ложкой в густом ястве, прежде чем начать есть.

– Ешь. И пирожки бери, – баба Шура присела напротив Стаси в кресло-качалку и, положив себе на колени небольшую плетеную корзинку, начала вязать.

– Ммм... – протянула Стася. – Во! – девочка подняла указательный палец свободной руки, выражая своё восхищение.

– С душой сготовила, – женщина не поднимала головы от вязания. Но Стася точно знала, что ей очень приятно.

– Как дела в школе?

– Нормально, – ответила девочка.

Она снова набрала в ложку суп и, легонько подув, отправила его в рот.

– Егор звонил. Таки достал меня! Вот же упертый! Я же хотела все для обеда сама приготовить. А ему ресторан подавай! – Она возмущенно фыркнула и спросила: – Ну что, я хуже стряпаю, чем в ресторане?

Стася безразлично пожала плечами. Упоминание имени Аравина всегда вгоняло ее в ступор.

– Не знаю...Я по ресторанам не хожу, – она шмыгнула носом и снова отхлебнула суп с ложки. – Может, он не хочет, чтобы вы утомлялись, – предположила девочка.

– А-ну не «выкай» мне тут! – шикнула Александра Михайловна. – Чай не чужие, – спицы в ее руках двигались быстро и резко, что говорило о сильнейшем раздражении. Но и к этому Стася привыкла. – И как готовка может меня утомить? Безобразие! Это только ихняя мать утомлялась, едва брала в руки сковороду! Звезда сильная была! Царствие ей Небесное. – покойную невестку Александра Михайловна не любила. Но зла на нее не держала, что бы там ни говорила. Потому как признавала, что собственный сын тоже непутевый был.

– Он заедет за нами? – смущенно спросила Стася. Почему-то ей было неловко называть Аравина по имени. И чаще всего она этого не делала.

Александра Михайловна, впрочем, понимала, на кого Стася постоянно говорит «он».

– Да, обещал. Поедим на кладбище втроем. Остальные придут только на обед.

– А как же ваша сестра?

– Нинка? – взгляд, который женщина бросила поверх очков, выражал полнейшее недоумение. – Эта старая пучеглазая ондатра едва ходит.

Стася хохотнула. Она уже привыкла к подобным фразам Александры Михайловны в сторону сестры. Которая, к слову сказать, была старше ее всего на год и не такая уж рохля.

– Вряд ли ондатры могут быть пучеглазыми, – заметила девочка.

– Эта может, – упрямо ответила женщина. – Пускай сидит дома. Нечего ей по кладбищам мотаться. Вот довяжу тебе гольфы и начну ей жилетку.

– Да у нее их уже с десятков, – Стася доела суп и, оставив тарелку в сторону, взяла пирожок.

Александра Михайловна продолжала, словно не слышит:

– Опять ангина у нее. А все потому, что не слушает меня! В дубленке ей жарко, щеголяет в куртке синтепоновой!

Стася встала со стула и, дожёвывая пирожок, стала складывать посуду в раковину.

Александра Михайловна тут же отложила в сторону вязание и вскочила с места. Мимолетно схватилась за поясицу, потом, словно застыдившись, опустила руку.

Хотя было видно, что спина ее беспокоит.

– Оставь все. Я сама, – она мягко отпихнула девочку от раковины. – Уроки иди учи.

– Сегодня пятница. Я не хочу! – заупрямилась Стася.

– Порисуй тогда.

– Нет вдохновения.

Александра Михайловна пожала плечами, не зная, то еще предложить Стасе. Затем улыбнулась и, кивнув головой в сторону окна, сказала:

– Кто-то собирался лепить снеговика...

Стаська спохватившись, побежала в прихожую за удобной курткой и перчатками.

– Огромного, бабушка! – закричала она на ходу. – Я слеплю огромного!

Спустя минуту она уже выскочила на улицу.

Александра Михайловна только улыбнулась ей вслед, в который раз поражаясь, что шестнадцатилетняя девочка может быть в душе таким ребенком.

А Стася просто восполняла то, чего ей раньше не хватало: детства, беззаботности, свободного времени, чистых и радостных мыслей.

Ведь, когда она жила с отцом, ей самой приходилось думать о еде и тепле. Последний год она даже не ходила в школу. Алиса болела, и девочка вместо нее ходила торговать на рынок овощами, чтобы тем самым заработать хоть что-нибудь на пропитание и лекарства. На отца надежды не было. Напротив, приходилось еще и ему давать на выпивку, чтобы он ничего не пропивал из дома.

Она до сих пор не понимала, почему Алиса оставалась с отцом так долго? Отец у Стаси, конечно, красивый мужчина. Несмотря на алкоголизм, выглядел моложе своих лет. И была у них поначалу с Алисой общая любовь – к водке. Но Алиса всегда боролась с этой зависимостью. Последние месяцы перед смертью она вообще не пила. И все время говорила:

– Вот окрепну и поеду к брату. Тебя с собой заберу.

Но жизнь распорядилась иначе. Болезнь Алисы оказалась не простой пневмонией. Это был туберкулез, который обнаружили слишком поздно. Как же страшно Стасе было наблюдать, как Алиса сохла. Медленно умирала. Чудо, что девочка тоже не заболела. Отец практически перестал контактировать с Алисой. Пару раз даже пытался выгнать из своей квартиры. Все боялся заразиться. Стася слезно молила не выгонять ее. Больше всего, конечно, имели значение деньги, которые Стася ему исправно приносила.

Она жутко боялась остаться одна с отцом. Она бы просто сошла с ума в атмосфере постоянного страха и отвращения.

Они много разговаривали с Алисой. Та рассказывала, как еще в школе ввязалась в

плохую компанию, много пила, пробовала наркотики. А потом и вовсе ушла из дома. Кочевала то у одних друзей, то у других. Пока не сошлась с отцом Стаси.

Алиса любила рассказывать о младшем брате. В ее голосе было столько восхищения и благоговения. Было видно, что она очень любит Егора. Хотя и не одобряет его боксерскую карьеру.

Но никогда Алиса не рассказывала о родителях. Ни слова. Стася просто знала, что они есть, и все. Мать – известная певица, отец – успешный актер. Но разговоров о них не было. Даже когда пришло известие об их гибели.

Стася тогда спросила, поедет ли Алиса на похороны. На что получила быстрый и четкий ответ. Он был отрицательным.

И хотя за год, который Стася жила у Александры Михайловны, она часто слышала о родителях Алисы и Егора, ничего толком не понимала. А специально расспрашивать было неудобно.

Грустные мысли девочки прервал Гриша. Их шофер. Она как раз скатывала «голову» для снеговика.

– Привет, Насть.

– Привет, Гриша.

– Помочь? – шутливо спросил парень.

– Нет, это мой снеговик! И только я его буду лепить. Сделай себе своего.

Гриша рассмеялся.

– Какая же ты эгоистка, малявка. Даже снега тебе жалко.

Стася ответила не сразу, так как была занята самой важной частью работы – пыталась водрузить вылепленную голову на уже имеющуюся снежную конструкцию. Она пыталась под тяжестью большого шара, но уперто не желала просить помощи.

Наконец ей удалось установить последний шар. Девочка отошла на пару шагов в сторону и довольно осмотрела «голового» снеговика.

– Не жалко. Вон бери с той кучи, – сказала она и качнула подбородком в сторону газона, куда парни Борисыча откинули снег.

– Э, так неинтересно. Я с тобой хотел, – не унимался Гриша.

– Ладно, так и быть, – смилостивилась девочка. – Можешь принести мне ведро для шапки. Только пластмассовое.

– Будет сделано, – продемонстрировав небывалый азарт, Гриша тут же побежал в сторону кладовки.

– А я пока за морковкой схожу, – задумчиво пробормотала Стася сама себе.

Через полчаса общими усилиями снеговик был закончен. Как же девочка радовалась,

приплясывая около белоснежного чуда.

– Смотри, какой он добрый получился, – восторженно сказала она.

Гришка хохотнул на такое замечание девочки.

– И как ты это определила?

– Ну глянь же! У него лицо доброе! – настаивала Стася, удивляясь простодушному Грише.

– А! Ну да, – наконец согласился парень.

А Стасья вдруг стала серьезной.

– Гриш, а ведь это мой первый снеговик, – задумчиво протянула она.

– Как это? – невольно спросил шофер. И сразу же понял, что вопрос глупый. – Хм... Ну, дай Бог, не последний!

А Стасья еще долго стояла возле своего снеговика. Пока баба Шура в дом не загнала.

Глава 2

Если представить, что мир – это дом

а человек в нём – это окно,

то я буду тем самым окном,

в котором всегда темно.

© Джио Россо

Аравин щелкнул выключателем и поморщился, привыкая к яркому освещению. Темноволосая девушка на широкой кровати тихо застонала и зарылась лицом в подушку. Одеяло сбилось вниз, оставляя созерцанию Егора обнажённую спину и округлые ягодицы Риты.

Он досадливо поморщился. Подобные уловки всегда раздражали его. Когда захочет тр**нуть, он скажет прямо, а манипуляций ему не нужны.

– Тебе пора, – сухо сказал Егор, обращаясь к девушке.

– Почему так рано? – приглушено донесся с кровати жалобный голос.

Потому что он хотел остаться один, и его совершенно не трогало то, что в пять утра Рите придется выползть из теплой постели и ехать домой. Но вслух он этого не сказал, предпочитая игнорировать ее вопрос.

– Такси уже ждет, – поставил девушку перед фактом Аравин.

Последняя фраза, наконец, подействовала на Риту. Она быстро вскочила и возмущенно спросила:

– Почему ты постоянно ведешь себя, как последний муд*ла?

При этом она не удержалась и скользнула взглядом по его телу. Аравин не испытывал ни малейшего стеснения из-за своей наготы.

Рита оглядела его с головы до ног, ощущая какое-то извращенное удовольствие, рассматривая то, что пару часов назад было в ее власти, но никогда не принадлежало ей. Он был идеален в своей наготе! Широкие плечи, рельефный торс, узкие бедра, длинные мускулистые ноги, эрегированный мужской орган – трудно было не залюбоваться даже в такой ситуации. Крепкое тело напряженно. Он выглядел, словно опасный хищник перед прыжком. Сила, исходившая от него, будто витала в воздухе, предупреждая, что девушке пора убираться.

Глаза напряженно уперлись в лицо Риты. Мужчина выглядел сердитым.

Изячно вздернув правую бровь, она предприняла последнюю попытку и вопросительно покосилась на вздыбленный орган.

Егор перехватил ее взгляд.

– Должен тебя разочаровать, дорогая. Это всего лишь утренний стояк, а не реакция на твоё прекрасное тело, – издевательским тоном пояснил он. – Дверь захлопнешь, как обычно, – добавил мужчина и скрылся в ванной.

Ему не было дела до чувств Риты. Она знает его довольно давно, чтобы не строить иллюзий. Но... Всегда есть надежда, что человек изменится в лучшую сторону.

Дальше он действовал по инерции. Стал в душ. Открыл кран. Прохладная вода вызвала легкое покалывание в теплом теле. Но Егор стоял, не двигаясь, лишь слегка склонил голову, подставляя холодным струям спину.

Аравин был не из тех парней, которые тр*хают все, что движется. В этом деле его вполне устаивало постоянство. Рита была его любовницей уже два года. Именно любовницей. Ничего более.

Его натуре претили ухаживания, свидания, долгие разговоры. Поэтому он брал только то, что ему откровенно предлагали. Так вышло и с Ритой. Сознательно он не хранил ей верность. Во время пребывания в других городах и странах легко заменял Риту другими. Но здесь она фактически была единственной.

Сегодня Аравин пребывал в мрачном расположении духа. Годовщина смерти близкого человека это как путешествие в прошлое. Невольно тебя захлестывают воспоминания, поток которых невозможно остановить. Вместе с ними возникают мысли, начинающиеся с фразы «а что, если бы...». Видимо, так устроен человеческий мозг. Он постоянно что-то планирует, даже постфактум.

Этот год стоил Егору полжизни. Травмы, кутежи, сокращение периодов отдыха, несоблюдение режима сна и здорового питания. Он соглашался на все бои, которые ему предлагали. Жил по инерции – тренировки, сборы, бои, восстановление. И так по кругу.

На ринге Аравин был неоправданно агрессивным. Перемещал собственную злобу на соперника, забывая, что бокс в первую очередь спорт. Рейтинг Егора возрос, вызывая соответственный рост гонораров за бои. Он был востребован, как никогда. Его уважали и боялись соперники.

Но великой радости от этого он не испытывал. Так, сухое удовлетворение амбиций.

В реальной жизни Егору было сложно проявлять какие-либо эмоции. Безразличный, холодный, сухой, циничный – таким он был. На ринге же все было по-другому. Выброс адреналина, учащенное сердцебиение, напряжение в мышцах, острая сосредоточенность, боль. Он чувствовал себя живым!

Аравин привык к боли. Он воспринимал ее, как должное. Невозможно выиграть бой, оставаясь невредимым. Впрочем, Егор в этом деле просто счастливчик. А, возможно, прав тренер, который утверждает, что Аравин выкован из ярости. И все же на его счету достаточно травм – несколько переломов носа и челюсти, множественные гематомы и порезы глазной впадины, повреждение наружного уха, разрубленная верхняя губа, разрыв локтевой коллатеральной связки пястно-фалангового сустава большого пальца, повреждения запястно-пястного сустава большого пальца, острые ушибы головы.

Если ты боишься получить травму или боишься за свое здоровье, если не готов идти до конца – ты никогда не достигнешь успеха.

Люди приходят на бокс в поисках крови и зрелищ. Им не нужен скучный бой, где никто не травмируется. Фанаты бокса обожают жестокость. И они же утверждают, что любят бокс. Но они и понятия не имеют, что это такое. В боксе главное уважение. Ты стремишься завоевать уважение к себе. И лишиться уважения своего соперника.

Аравин постоянно спорил со своим тренером. Но только не во время боя. На ринге слушал все наставления и замечания. Потому что картинка, которую видишь ты, может отличается от той, что на самом деле.

Бокс – занятие противоестественное. И часто оно противоречит традиционной логике. Иногда, чтобы нанести максимально сильный удар, нужно отступить.

Позже он сидел на кухне бабы Шуры и пил кофе. Из родственников у Аравина осталась только бабушка, мать покойного отца. Она переехала в дом сына и невестки после пропажи Алисы. До этого Егор едва знал бабу Шуру, так как она жила далеко от столицы, а их семья навещала ее очень редко.

Пока Стася собиралась, Аравин успел выпить кофе и поговорить с бабой Шурой. Точнее, говорила в основном она.

– Совсем совесть потерял, антихрист! – возмущалась она, стоя перед небольшим овальным зеркалом, которое висело на стене. – Последний раз виделась на сорок дней. Никогда не заедешь. Не поинтересуешься – как Стася, как я... Так и умру.

– Я не люблю этот дом, – спокойно ответил Аравин. Возмущение бабушки на него не

действовало.

Он покинул дом отца сразу же после окончания школы. И с тех пор приезжал сюда только если в этом была острая необходимость. Как сегодня, например.

Баба Шура бросила завязывать пуховый платок и, повернувшись к внуку, смерила его гневным взглядом.

– Не любит он! Ишь какой! Ну ладно, на меня тебе плевать. А Стася? Привез ребенка и бросил! Тьфу! – женщина демонстративно отвернулась обратно к зеркалу.

– А что еще я должен делать? – вопрос задан сухо, но карие глаза все-таки блеснули раздражением.

– Ты смотри, какой королюбый! – вновь возмутилась баба Шура. – Все-то ему непонятно.

Но развить спор дальше не успела. На кухню тихо вошла Стася и нерешительно замерла в дверном проеме.

Аравин отстранено посмотрел на девочку. Первое, что он отметил – она выросла. Настолько, что сейчас он едва узнавал в ней ту девчонку, которую когда-то привез домой. Он не мог вспомнить, сколько ей сейчас лет, но она явно не похожа на ребенка, как ее любила называть баба Шура.

Он принялся бесцеремонно рассматривать Стасю, не задумываясь, как это выглядит со стороны, но отмечая, как при этом вспыхнули щеки девочки.

«Надо же, какие мы нежные!» – мелькнуло у него в голове.

Девочка была одета в черное шерстяное платье простого кроя, единственным украшением которого была черная атласная лента. Она перехватывала тонкий стан Стаси под грудью. Ниже ленты платье свободно ложилось и доходило практически до колен стройных ног.

Длинные каштановые волосы заплетены в тугую косу, которая была перекинута наперед, слегка прикрывая левое полушарие небольшой девичьей груди. Впрочем, Аравин не имел понятия, какая грудь должна быть у девочки-подростка.

Лицо юное и свежее. Аккуратный носик, пухлые губы, острый подбородок. Но Егора привлекли глаза. Большие и выразительные. Самого обычного зеленого цвета, но была в них какая-то глубина.

«И все же, сколько ей лет?»

– Узнал хоть? – едко перебила его размышления баба Шура.

Вопрос заставил Аравина оторваться от созерцания девочки. Он недовольно покосился на бабушку, удивляясь, насколько вредной может быть эта женщина.

Ему стало интересно, как Стася с ней уживается. Потому что внешняя кукольность его не обманывала. Он был уверен, что характер у девчонки еще тот! В атмосфере, что ее взрастила, не выживают наивные барышни, верящие исключительно в единорогов и «розовые сопли».

Но баба Шура никогда не жаловалась на девчонку. Впрочем, жалобы женщины противоречили бы ее командирскому характеру.

– Пора ехать, – наконец скомандовал Аравин и, резко развернувшись, широким шагом покинул теплое помещение.

Глава 3

Большой человек – ты чей то ангел-хранитель, пойми...

© Баста feat. Полина Гагарина – Ангел Веры

Три молчаливых фигуры стояли у одинокой могилы. Слов не было. Только тихая грусть и застывшие слезы на глазах Александры Михайловны. «Железная» бабушка выглядела сейчас просто несчастной женщиной.

Вдали закаркала ворона, и Стася поморщилась – атмосфера была мрачной. Девочка абсолютно не воспринимала ситуацию. Она не понимала, зачем люди вообще приходят на кладбище. Это место пустынное и безликое. И если бы не фотография улыбающейся Алисы на мраморном надгробье, Стася бы никак не сопоставила холодную плиту с умершей девушкой. Он жила в ее воспоминаниях. И традиция посещения кладбища казалась Стасе бредовой.

Чтобы хоть как-то отвлечься, Стася украдкой наблюдала за Егором. Открытое пространство поселкового кладбища совершенно не защищало от ледяных порывов бушующего ветра. Но Аравин будто не замечал невыносимого холода. Широкие плечи расправлены, спина ровная. На лице холодная маска. Невозможно было понять, о чем думает этот человек. И понимает ли вообще, что происходит? Переживаний на его лице не было. Глаза, будто стеклянные, уставились в одну точку и застыли. Стасе хотелось стукнуть его, заставить очнуться. Но, естественно, она этого не сделала.

Алиса как-то сказала ей, что Егор очень честолюбивый человек. Он всегда стремился быть лучшим буквально во всем. Но при этом Стася, четвертый год наблюдая за его карьерой, никогда не видела на этом лице триумфа победителя. Да, пускай даже простой улыбки. Он воспринимал достижения как должное, не давал себе расслабиться ни на секунду. Только двигался вперед. Со стороны казалось, что ему все совершенно безразлично. Но так ли это?

Мысли Стаси вернулись к утренней встрече на кухне. Пристальное внимание Аравина бесконечно смутило девочку. словно после этого осмотра что-то могло измениться.

Она тщательно причесывалась и заплеталась у себя в комнате, но совершенно не предполагала, что Егор обратит на нее хоть какое-либо внимание. Помня их последнюю и единственную встречу, когда Аравин удостоил Стасю несколькими взглядами в квартире отца и ни одним по дороге домой, девочка думала, что в этот раз будет также. Это она знала каждую черточку его лица, изучая часами фотографии на ноутбуке. Она с замиранием сердца следила за каждым боем. Именно она переживала, когда атака соперника достигала цели. Когда кожа Егора трескалась от наносимых ударов, заплывали глаза... Потому что по-другому не могла. Алиса будто внушила Стасе заботу и волнения о нем. Привязанность к человеку, которого она фактически не знала.

Краем глаза Стася увидела, как Аравин в последний раз положил руку на надгробие. Провел костяшками по ледяному мрамору, а затем развернулся и широким шагом вышел из ограды.

Девочка проводила его тоскливым взглядом. Еще немного, и она снова будет лицезреть только фотографии. Стася читала интервью менеджера Аравина по поводу того, что скоро будет назначен день первого титульного боя Егора, и подготовка к нему пройдет в Испании. А значит, его долгое время не будет в стране. Она радовалась возможности Егора завоевать титул чемпиона. И в тоже время сильно переживала, как пройдет бой.

Уходя с кладбища, вслед за Аравиным, Стася вздохнула с облегчением. Но у самых ворот их встретила сестра бабы Шуры – Нина Михайловна. Та приехала вопреки указаниям сестры. Стася испугалась, что им придется еще раз вернуться к могиле. Но не тут-то было. Баба Шура, увидев Нину Михайловну, будто получила встряску, «подобрала сопли» и стала недовольно отчитывать сестру:

– У тебя что, слуховой аппарат барахлит? Я же сказала – езжай прямо в кафе!

– Я подумала... – начала было оправдываться старшая сестра.

– Подумала она! – тут же перебила ее Баба Шура. – Чем там думать уже? – она свирепо оглядела наряд сестры и, задержав взгляд на модельных ботиночках на миниатюрном каблучке, фыркнула. А затем возмущенно сказала: – Вырядилась! Гусыня городская! Снег накатан, упадешь и рассыплешься! Не соберем!

На морщинистом лице Нины Михайловны появилась снисходительная улыбка.

– Тоже мне! За своими костями смотри! Не я ведь год назад с поломанной рукой ходила!

– Это было полтора года назад! Уже и с памятью проблемы? – мастерски парировала баба Шура.

– Куда уж мне! Ты, вон, даже забыла поздравить с днем рождением Степана Аркадьевича, – попыталась уколоть в свою очередь Нина Михайловна.

– Нужен мне твой Степан Аркадьевич, как горькая редька! Я просто не хотела его поздравлять, – баба Шура откровенно врала. Стася помнила, как она тогда причитала, что забыла поздравить приветливого соседа.

Девочка невольно засмеялась про себя, и, отвернувшись в сторону, попыталась спрятать улыбку. Но неожиданно столкнулась с внимательным взглядом Аравина. Улыбка застыла на лице Стаси. По телу прошел озноб. Девочка пристально уставилась в темные глаза и попыталась определить причину интереса Егора. Он недовольно свел брови, но взгляд не отвел.

– Иди к машине. Холодно, – словно сквозь вату услышала Стася его тягучий голос.

Впервые за сегодняшний день он обратился непосредственно к ней. А ведь утром даже не соизволил поздороваться.

Но Стася не отреагировала на приказ и продолжила упрямо рассматривать Егора.

Девочка детально разглядывала уже знакомые черты лица, наслаждаясь реальным «изображением». Мощные скулы, прямой нос, тонкие, но не жесткие губы и притягательные карие глаза. Ей нравилось все! Нравилось, как Аравин стриг волосы, оставляя лишь короткий черный ёжик на голове. До него хотелось дотрагиваться, ощущая собственноручно, колется ли он? Нравилась его смуглая ровная кожа и мелкие, будто «битые» пиксели, шрамы.

Стася боялась рисовать Егора. Хотя иногда руки так и чесались сделать это. Девочка хорошо осознавала, что будет недовольна схожестью с «оригиналом». Будет нервничать. Начнет перерисовывать. А это уже может стать бесконечностью.

– Правда, Стася, пойдем – вмешалась баба Шура. – Не хватало еще подцепить простуду.

Девочка медленно опустила взгляд. А Егор еще некоторое время смотрел на упавшие веером густые ресницы. Будто надеялся еще раз увидеть зеленые озера.

С трудом вспоминая первую встречу, анализируя рассказы бабушки и наблюдая за Стасей сегодня, Аравин думал о том, что невозможно быть настолько непосредственной в шестнадцать лет. Да, он умудрился уточнить у бабы Шуры возраст девчонки по дороге на кладбище. Стася была очень открытой. Все эмоции настоящие живые, необдуманные. Тут она плачет, тут, нахохлившись, злится, тут застывает в недоумении, тут уже смеется и снова недовольно фыркает. Не было в ней фальши. Душа наизнанку. Она не стеснялась своих эмоций и не придумывала то, чего нет. Сейчас на кладбище она не грустила и не пыталась «сыграть» эти чувства. Просто тихо стояла у могилы. И в тоже время девочка успела пустить слезу в машине. Он не уловил смысла ее бормотаний, обращенных к Александре Михайловне, но отчетливо слышал шумные всхлипывания. Видел в зеркало заднего вида, как девчонка утирает платком слезы и откровенно сморкает нос. Невольно улыбнулся краешком губ. Забавная она. Чистая и настоящая.

Аравин помнил как разительно отличалась квартира ее отца до переезда Стаси и после. Буквально за пару дней Сладков засрал все. Каких же трудов должно быть стоило Стасе следить за порядком в этом откровенном борделе? Там бесконечно проходили какие-то попойки.

То, что характер у нее не сахар – это как пить дать. Аравину даже захотелось увидеть девчонку разъяренной. Эмоциональные люди всегда вспыльчивы, всегда говорят то, что думают, даже если это противоречит всем правилам морали. Но в этом и вся соль.

Егор ненавидел, когда люди лгут. Ложь – порождение иллюзий. Чего он больше всего не любил, так это ждать от человека больше, чем он стоит. И также не любил, когда от него ожидают то, чего он не собирается делать.

В кафе они пробыли недолго. Повод был не праздничный, и гости не засиживались, а хозяева не удерживали. Поэтому ближе к четырём часам Аравин привез Стасю с бабушкой домой. По дороге была только одна остановка – подвозили Нину Михайловну. Дома Стася почувствовала себя буквально выжатой и сразу же поднялась в свою комнату. Первым делом она стянула с себя мрачное платье и забросила его в корзину для грязной одежды. Затем приняла душ и натянула синюю махровую пижаму с большим белоснежным зайцем на груди.

Девочка прошла назад в комнату и, свернувшись клубком на кровати, заплакала. Этот плач был очень сдержанный. Грустный и тихий. Она больше не редела в голос, не осталось сил. Слишком много эмоций за сегодня она испытала. И главным раздражителем, как ни странно, послужил Аравин.

Она тихо всхлипывала, растирая по щекам скупые слезы. Горло сдавил тугой спазм, вызывая боль. Стася попыталась вздохнуть глубже, перевести дыхание, избавиться от тяжести, которая не покидала ее.

Вопреки всем попыткам, из груди вырывались лишь обрывистые всхлипы. Но и они вскоре прекратились, не принеся облегчения.

За обедом Стася едва притронулась к еде. Поэтому вскоре в животе заурчало, и девочка поняла, что очень проголодалась.

Она поднялась с постели и снова прошла в ванную. Умывалась долго, охлаждая пылающие щеки холодной водой и периодически бросая усталый взгляд в зеркало.

Четкий разрез собственных глаз раздражал ее, напоминая об отце. Это были его большие зеленные глаза. Девочка терпеть не могла, когда ей делали комплименты по этому поводу. А случалось это довольно часто. Стася была согласна, что глаза выделяются на ее лице. Но лично ей в своей внешности куда больше нравились мамины аккуратные губы-сердечком.

Алиса говорила Стасе, что она красивая. Но для девочки это было неизбежное проклятие. Ну кому нужна эта красота? Что она дает?

Наконец девочка отправилась на кухню, чтобы как следует поесть. Спускаясь по лестнице, она думала о драниках, которые накануне сготовила баба Шура. Она уже мысленно поливала их сметаной, когда услышала, что на кухне идет разговор на повышенных тонах.

Девочка нерешительно замерла у двери, узнавая голоса говоривших. Это был Аравин и баба Шура.

– Чего ты хочешь от меня? – донесся до нее голос Егора. Он не срывался на крик, но тембр его голоса буквально вибрировал от злости. – Я ее из г*вна вытащил! Да, я каждый день по морде получаю, чтобы обеспечить ее жизнь! Хотя она мне никто! Никто!

– Я требую, чтобы ты хоть изредка навещал девочку! – громко ответила ему баба Шура.

Стася сразу же поняла, что разговор идет о ней. Услышанное показалось ей таким унижительным, что она едва не расплакалась. Жгучие слезы вновь выступили на ее глазах, но она упрямо замахала ресницами, прогоняя их. Только пылающие щеки нельзя было остудить.

Так вот, значит, как он думает о ней.

«Никто...», – звучало пусто и безразлично.

– Ты же сама вызвалась ее воспитывать! От гувернантки отказалась! Я нигде не подписывался читать ей сказки и подтирать сопли! – в этот раз голос Аравина

прозвучал еще грубее и чуть громче.

Стася закусила нижнюю губу, больно врезаясь зубами. Но как будто не замечала этой боли, сосредоточенно вслушиваясь в диалог на кухне.

– Я не вечная! Как вы потом без меня будете? Ты ее почти не знаешь! – мольба в голосе бабы Шуры звучала настолько неожиданно для Стаси, что та даже засомневалась, она ли это сказала.

– Не нагнетай, пожалуйста! – отчеканил Аравин в ответ.

Фразы Александры Михайловны по поводу смерти всегда пугали Стасю, но по скупому ответу Аравина его отношение к бабушке определить девочка не смогла.

– Я говорю то, что есть! Перестань думать исключительно о себе!

– Я не стану приезжать к этой малолетке! Мне абсолютно плевать на все, чем она занимается! – Стася поморщилась, услышал очередную порцию негатива. – Я выполнил просьбу Алисы. Все! Пускай растет и наслаждается жизнью! Но без меня! Не требуй от меня большего!

– Какой же ты циник! – в последней фразе бабы Шуры едва различимое отчаяние.

Девочка услышала быстрые тяжелые шаги и громкий стук закрывающейся входной двери. Решив, что это Аравин наконец убрался, девочка порывисто вбежала на кухню. Но Егор был здесь. Не было бабы Шуры.

Аравин стоял посреди кухни, устало прикрыв глаза. Он не хотел спорить с бабой Шурой. Но ее требования относительно девчонки взбесили его. Что стало неожиданностью для самого Аравина. Надо было просто отказать, а не вдаваться в объяснения, оправдывая самого себя. К чему это? Он и правда не чувствовал себя обязанным поддерживать семейные отношения с девчонкой, которую они приютили.

Да и о чем ему с ней разговаривать? Какие у них могут быть общие темы? Притворяться, что ему интересны ее кружки и умелки? Увольте!

Шум от появления Стаси заставил Егора открыть глаза. Он моментально выхватил взглядом горящие негодованием зеленые глазищи. Пылающие щеки и красный нос. Машинально оглядел забавную пижаму, которая смотрелась очень миленько на малолетке. Не укрылась от его взгляда и шумно вздымающаяся грудь.

Вот и злость девчонки. Долго ждать не пришлось.

Стася подошла к нему совсем близко и, сфокусировав яростный взгляд на его лице, зло выпалила:

– Никогда больше не смей повышать голос на бабу Шуру! – фраза была подкреплена указательным пальцем, упертым в его грудь. Дальнейших уточнений Егору не потребовалось. Он понял, что Стася слышала их разговор.

На самом деле, крика как такового с его стороны не было. Но доказывать что-либо Стасе он не собирался.

– Кого-то не научили в детстве, что подслушивать нехорошо, – темные брови

взметнулись вверх, а глаза пронзили девчонку тяжелым взглядом. – Так мы это исправим, если ты сейчас же не уберёшься назад в комнату, – он давал ей шанс на отступление.

И все же девочка удивила его! Он был готов к ругательствам и яростным взглядам, но не никак не думал, что малолетка посмеет ударить его. Но она это сделала! Правый джеб1 пришелся ему в подбородок, так как девочка выше не доставала. От неожиданности Егор пропустил этот удар. Сила удара была просто смехотворной в сравнении с той, к которой Аравин привык. Но чувство ярости захлестнуло его.

Стася попыталась нанести новый удар, но в этот раз боец поймал ее кулак, полностью обхватывая его рукой. Маленькая ручка практически утонула в его широкой ладони. Аравин даже растерялся, находясь в непривычной ситуации. В повседневной жизни никто не смел поднимать на него руку. И уж тем более девушки.

Аравин склонился к девчонке, и их лица оказались на одном уровне. Он лишь слегка сдавил крохотный кулачок, но этого хватило, чтобы девочка болезненно поморщилась.

– Никогда не бей первой, если не уверена, что выдержишь сдачу! – сердито зашипел он, пронзая ее взглядом.

– Ты просто чертов ублюдок! – закричала девчонка. – Убирайся на х*р!

Аравин зло стиснул зубы так, что заходили желваки на лице. Надавать бы ей по шее сейчас! Может тогда ума прибавится.

– Ты еще будешь мне указывать, где мне находиться? – вкрадчиво уточнил он. Но не дожидаясь ответа Стаси, мрачно пригрозил: – Да ты у меня сейчас в одних трусах к отцу пошуруешь!

– А вот и не пойду – упрямо заявила Стася.

– Как же!

– Ты чертов эгоист! Ты думаешь, тебе больно? – Аравин недовольно поджал губы, увидев влажный блеск в зеленых глазах. Вот только слез ему сейчас не хватало. Его не тронул ее вопрос. Его боль – это только его боль. Ни с кем он ею не делился. – А ты представь, каково ей?

Последняя фраза резанула где-то в груди. Да, он немного перегнул палку, не стесняясь в выражениях. Вел себя грубее, чем хотел с бабой Шурой. Но он прав относительно Сладковой. Он дал ей крышу над головой, пищу, одежду и все необходимое для нормальной комфортной жизни. В восемнадцать лет она будет сама распоряжаться деньгами, которые он ежемесячно переводит на ее счет. Он купит ей отдельное жилье, если понадобится. Разве этого мало?

Задумавшись, Егор непроизвольно сильнее стиснул руку Стаси. Девочка болезненно охнула и зло запыхтела, пытаясь выдернуть руку. Горячее дыхание девчонки приятно обожгло его подбородок, и он невольно уставился на ее дрожащие пухлые губы.

Темные брови сошлись на переносице, как обычно, когда Аравину что-то не нравилось.

– Уходи, – рвано сказал он, разжимая руку и мягко отталкивая ее назад. Осторожно, так, чтобы девочка не потеряла равновесие. – Немедленно, – стальные нотки, прозвучавшие в его голосе, подействовали. Гнев исчез с девичьего лица, оставив в широко распахнутых глазах лишь растерянность.

Она выбежала из кухни, оставляя Аравина в легком замешательстве. Что это было? Почему этот «сгусток эмоций» вызвал в нем подобную бурю?

«Да, Аравин... Пора на ринг. Давно ты пар не выпускал!»

«А может, Ритке позвонить?»

Она не будет задавать лишних вопросов. Рита хорошо знала, когда нужно молчать. Аравин, недолго думая, набрал ее номер и велел ждать его через час.

Сам же дождался возвращения бабы Шуры. Попытался даже извиниться.

– Прости за то, что был груб с тобой. Но решение мое не изменилось, – твердо сказал Аравин.

Александра Михайловна задрал нос, отстранено посмотрела на него.

– Посмотрим... – ответ бабы Шуры прозвучал мягко. Гласные буквально нараспев.

Это насторожила Егора, но словесно он не отреагировал, мечтая побыстрее покинуть ненавистный родительский дом.

– Спокойно ночи, – бросил он у двери.

– Спокойной.

Глава 4

Никаких сомнений, нет волнения

Я знаю цену победы и горечь поражения.

В момент истины на пути к прозрению

Я готов вступить в бой со своей тенью.

© Сацура и Stim

Испания,

около трех месяцев спустя...

Егор машинально прослеживал неторопливое передвижение стрелок больших настенных часов. До боя оставалось тридцать две минуты. В раздевалке по обыкновению тихо. Аравин сконцентрирован, спокоен и уверен.

Роман Натанович Щукин, который тренировал Егора с одиннадцати лет, не был столь уверенным.

Но молчал.

У Аравина отличная физическая форма, сильный удар, умение отключаться от всего и концентрироваться во время боя. Он вынослив и терпелив. В конце концов, на его стороне молодость. Двадцать четыре – хороший возраст для боксера, если учесть, что у него позади более десяти лет тренировок, спарринг-боев, оттачивания техники и шесть лет профессиональной карьеры. Но Натанович сомневался в психологической готовности парня. Хотя если не сейчас, то вряд ли он будет более готов позже. Аравин – тяжелый человек. Впрочем, его вины в этом нет. Слишком много внешних факторов повлияло на него.

– Мохаммед Али стал чемпионом мира в двадцать четыре, – задумчиво сказал Щукин, нарушая тишину. Обращался скорее сам к себе, нежели к Егору. Поэтому парень вслух не отреагировал на замечание тренера, только кивнул.

Аравин не для красивой жизни занимался боксом, он жил ради бокса. Тринадцать лет назад, едва увидев Егора, впервые ступившего на боксерский ринг, Щукин понял, что заниматься тот будет серьезно. Парень пришел в зал не для того, чтобы надрать кому-нибудь задницу и не для того, чтобы получить славу. Тогда Егору бокс помог удержаться на плаву, не потонуть в пучине своей агрессии и злости. Сейчас парень действовал более планомерно, мыслил профессиональнее. Но все равно Аравин считался агрессивным боксером. Он не щадил противника. Если тот выходил на ринг, поднимался после сокрушительного удара, давал согласие на продолжение боя – Аравин действовал жестко, отработано, шел до победного.

– Кортес будет пытаться задавить тебя к канатам. Это его фишка. Помни об этом, – последние наставления Щукин дает взволновано. Увы, ему не присуща аравинская сдержанность. Именно это в свое время помешало стать чемпионом. – Не нападай первым, работай в защите. Ты выносливее. Дай ему выдохнуться.

Аравин сухо кивнул. Если бы не этот мало-мальски активный жест с его стороны, постороннему наблюдателю могло бы показаться, что парень вообще не слушает. Но Натанович знал, что Егор его слышит и впитывает, как губка.

– На твоей стороне молодость и скорость. Кортес тяжелее и медленнее. Но и сильнее. Помни об этом. Держи блок.

Аравин снова кивает.

– Он едет на старой базе. Берет опытом и силой.

– Знаю.

– Будь внимателен! Не давай злости взять над тобой верх. Здесь важна не сколько сила удара, сколько ее своевременность. Ты должен угадать момент и нанести удар. Методично, точно, размеренно.

– Хорошо.

Шум толпы, свет софитов, единичные крики, свист... Мрачный гонг, от которого все в душе переворачивается, независимо от того, как ты настроен. Первый взгляд на соперника. Яростное обещание проигрыша в его глазах. Но Аравин спокоен. Подобные психологические атаки не проникают его. Его настрой на бой глубже. Там, где может идти только внутренняя борьба. И никто не способен повлиять на него. Хотя адреналин уже всю бурлит в крови, атаковать противника он начнет позже. Сейчас он для него просто спортсмен. И гордо демонстрируемый Кортесом чемпионский пояс – лишь титул, который Аравин у него отнимет.

В любом спорте, где сталкиваются противники, все знают, что соперник делает то, что ему позволяют делать. Поэтому недостаточно быть просто физически сильным. Ты должен не дрогнуть внутренне. Не допускать мысли о том, что можешь проиграть. Иначе противник прорвется сквозь твои сомнения.

Раунд первый

Как и предполагал Натаныч, Кортес начал жестко. Удары преимущественно боковые и энергозатратные. Аравин работал на защиту, методично отслеживая тактику противника. Перед боем Егор пересмотрел все бои Кортеса. Но до конца понять и изучить соперника можно только во время боя. Когда переварив всю информацию, мысленно делаешь ставку на его поведение и молниеносно получаешь либо подтверждение, либо смену тактики.

Раунд второй

Аналогичен первому. Зрители начали зевать. Егор выглядел расслабленно. Легко двигался по рингу. Но внутри его сковывало напряжение. Он сдерживал себя. Держал блок и осторожно «пробовал» удары, буквально прощупывая соперника. В данный момент ему было важно сохранить «холодный ум» во время боя.

Раунд третий

Кортес совершил первую попытку оттеснить Аравина к канатам. Он никогда не был терпелив. Видимо, и сейчас стремился закончить бой быстрее и зрелищнее. Но Егор держал защиту и не собирался уступать противнику.

В один момент Кортес открылся и Аравин, решив, что грех не воспользоваться моментом, пробил первый по-настоящему сильный удар. Именно этот хук показал испанцу, что не все так просто. И удивление в его глазах ясно выдало тот самый момент, когда Кортес забеспокоился. Сомнение скользнуло в его глазах, несмотря на то что физически он стойко выдержал удар.

Раунд четвертый

Кортес начал отставать. Егор перешел в нападение.

– Рано, Егор, рано, – кричит ему Натаныч. – Чуть спокойнее.

Это был тяжелый для обоих соперников раунд. Сила граничила с яростью.

Раунд пятый

Кортес дышал тяжело, но не сдавался. Он попытался пробить защиту Аравина, нанося сильные удары в рваном ритме. Егор действовал также жестко. Но во время атаки сложнее держать защиту. Несколько точных ударов Кортеса, и знакомое жжение обожгло Егора. Бровь. Его слабое место. Мало какие бои проходили без подобных рассечений. Врач иногда шутил, что это из-за слишком нежной кожи Егора. На самом деле – частая травма всех боксеров.

Кровь начала сочиться моментально, и рефери дал команду на остановку боя.

В перерыве

Доктор смазал рассеченное место специальной мазью, которая приглушает боль и подобно монтажной пене останавливает кровь.

– Правое плечо немеет, – сдавленно сказал Аравин тренеру, как только вынули капу.

– Это плохо, – Натаныч нахмурился. – Начинай работу во всю силу. Долго не протянешь. Но и Кортес сдал. У тебя хорошие шансы.

– Я справлюсь. Стану в правостороннюю стойку.

Натаныч смерил парня долгим взглядом и кивнул. Егор правша. На тренировках он работал в правосторонней стойке, но выступал исключительно в удобной ему левосторонней2.

– Это может стать решающим фактором... – в голосе тренера неуверенность. – Но с другой стороны, Кортес сейчас меньше всего этого ждет.

Щукин кивнул, давая согласие.

Раунд шестой

Мышцы ныли. Но Егор чувствовал, как энергия бурлит в его теле. Он был практически уверен в своей победе. Действовал быстро, бил точно и размерено. Заплывший глаз и немеющее плечо отвлекали, но не настолько, чтобы сложить руки и дать себя добить. Наступил момент, когда Егор настолько сосредоточен, что не слышит рева публики. Он видит перед собой только противника. И смена стойки позволила ему застать Кортеса врасплох. Тот не успел перестроиться. Прямой удар левой рукой угодил испанцу в центр груди.

Раунд седьмой

Максимальное сосредоточение воли и энергии на выходе удара – Кортес рухнул на пол ринга. Аравин сразу же отступил. Каждый раз в такие моменты, наблюдая, как рефери ведет счет, он представлял себя на месте противника. Егор мысленно советовал ему оставаться на полу. Но Кортес поднялся. И тогда Аравин действовал основательно жестко. Серия сильных ударов принесла ему победу, а Кортесу окончательный нокаут.

Аравин стал чемпионом мира по версии WBO3.

В груди колыхнулось чувство радостного удовлетворения. Он приехал сюда за

победой. И он ее получил. Чемпионский пояс перешел к нему.

Егор был доволен проделанной работой, но поздравления принимал сдержанно и отстраненно. Откровенно радовался Щукин. Поднял затянутую в перчатку руку Егора вверх, что-то выкрикнул и наконец просто обнял его. Да так, что называется, стиснул в медвежьих объятиях. В этот момент Аравин сверкнул широкой искренней улыбкой, и фотографы поймали этот кадр.

За три тысячи километров от Испании, в родном городе Аравина, взволновано билось сердечко человека, который переживал за Егора сильнее всех. Несмотря на позднее время, Стасья сидела у монитора своего компьютера и напряженно всматривалась в нечеткую картинку прямой трансляции. Взгляд не отводила ни на мгновение. Боялась пропустить малейшее движения соперников. Пыталась рассмотреть эмоции Егора. Но толком ничего не улавливала. Операторы снимали соперников сбоку. Да и не настолько близко, чтобы взглядеться в лицо. Поэтому, когда камера поймала крупным планом Егора, девочка буквально застыла. Мелкие мурашки пробежали вдоль позвоночника. Дышала неровно. Рывками. Будто моментами забывала, как это делается, а потом догоняла ритм.

Не сразу уловила смену картинки. Потерялась в последних событиях, произошедших на ринге. Чуть расслабилась и успокоилась, когда пришло время перерыва.

Стасья оглядела себя отстранено. Мятая пижама, взлохмаченные волосы. Из-за неподвижного сидения затекли ноги, а и без того скромный маникюр на руках обгрызен в минуты отчаянного волнения за Егора. Только Аравин никогда этого не узнает.

Сейчас Стасья как никогда понимала значение фразы – чем дальше ты, тем ближе. Истрепала себе душу задолго до боя. Следила за новостями, которые щедро появлялись в интернете. Щукин часто давал интервью, в отличие от своего подопечного. И хотя информация, которой он делился, была весьма обтекаемая, девочка с благодарностью слушала ее. Когда Роман Натанович убеждал, что подготовка идет хорошо, она верила. И его же заявление, что Аравин готов к бою, восприняла доверительно радостно.

Появилось много новых кадров с Егором. Фото были сделаны в самых различных местах, точно поминутно Аравина преследовали то журналисты, то фанаты. Аэропорт, гостиница, пробежка, спортклуб...

Стасья засыпала с этими фотографиями. Могла часами рассматривать и фантазировать относительно его планов, ощущений и мыслей.

Банально скучала. И злилась на себя за это.

«Бестолковая! Какая глупость...»

Привыкла она к такой виртуальной привязанности. Любила вспоминать рассказы Алисы об их детстве и юности. Но что она знала о нем лично?

Отчетливо помнила, как грубо отчитывал в день годовщины смерти сестры. Как

проявил пустое безразличие по отношению к ней и бабе Шуре. Но в тоже время держала в сердце их первую встречу. Его трепетное отношение к Алисе. Глаза, полные отчаянного бессилия и боли. Человеческие чувства, которые прорывались сквозь плотину отчужденности.

Увидев, как после серии попаданий Кортеса кровь залила лицо Аравина, девочка едва не закричала. Остановило лишь то, что в соседней комнате спала баба Шура. Стасю буквально охватила паника, слезы брызнули из глаз, руки задрожали. Она больше не могла сидеть спокойно. Вскочила с кресла. Снова села. И так несколько раз. При этом не могла оторвать взгляд от монитора. Облегченно выдохнула лишь, когда врач смыл кровь и обработал рану. Наперед знала, что Егор продолжит бой, поэтому не удивилась, когда после короткого разговора с Щукиным, он снова вышел на ринг.

Минуты последнего раунда длились бесконечно долго. У девочки перехватывало дыхание каждый раз, когда перчатки Кортеса достигали своей цели. Если бы бой продлился положенных двенадцать раундов, у нее бы просто не выдержало сердце.

Но Аравин, к огромной радости своих болельщиков, закончил бой намного раньше.

Первая эмоция, которую Стася испытала после победного нокаута – облегчение.

Вдохнула прерывисто. А затем застыла со счастливой улыбкой посреди комнаты. Долго так стояла. Не шевелилась и выражение лица не менялось. От этой улыбки даже скулы заболели.

Хотелось бесшабашно подпрыгнуть и закричать во весь голос. Но даже если бы она могла себе такое позволить... У Стаси просто не осталось сил на подобные эмоции.

Механически потушила компьютер. И, наслаждаясь возникшей тишиной, скользнула на мягкую постель, укрываясь с головой теплым одеялом. Всегда так делала. Неподвижно лежала несколько секунд, согреваясь. И только потом открыла лицо, оставаясь укутанной по шею.

Утром нужно будет рано встать и выполнить домашнее задание по алгебре перед школой. Днем это ей никак не удавалось. Мысли путались, и решение тригонометрического уравнения не увенчалось успехом.

Девочка потушила ночник и, прикрыв глаза, попыталась уснуть. Успела лишь выровнять дыхание, когда недолгую тишину нарушила переливистая мелодия телефонного звонка.

В такое время мог звонить только один человек.

Стася потянулась к тумбочке и, взяв телефон, бросила взгляд на дисплей смартфона. Как и предполагала, это был Артем.

– Да, – просипела она в трубку.

– Ну что, Сладкова, выдохнула? Жив твой родственничек и даже вроде как чемпион теперь, – Соколовский шутил в своей манере, но в голосе парня явно слышно еще что-то. Неожиданно Стасе показалось, что это зависть. Подобная догадка слегка шокировала девочку. Раньше со стороны Артема она не замечала подобных эмоций. Поэтому Стася решила не акцентировать на этом внимание.

– Почему вроде как, Соколовский? Пояс WBO – это очень круто.

– Знаю-знаю. Просто решил подразнить тебя. Теперь, когда ты спокойна и довольна, пойдешь со мной в кино?

Девочка невольно вслушивалась в интонацию Артема. Голос был веселым.

«Наверное, просто показалось».

Стася расслабленно откинулась на подушку и хмыкнула.

– Хорошо. Только пускай это будет не фантастика и не ужастик. Ок?

– Насть, ты струсила?

– Определенно, нет, – спокойно отреагировала на подкол друга Стася. А потом и вовсе решила перейти на более важную тему: – Соколовский, у меня с тригонометрией проблемы!

– Дай-ка угадаю, взаимная нелюбовь? – не поддержал он ее озабоченный тон.

– Артем, я серьезно, – устало выдавила Стася. – Если я не напишу эту контрольную хотя бы на четверку, баб Шура с меня три шкуры снимет. Поможешь?

– Помогу, – наконец внял Соколовский.

– Ладно, уже поздно. Пока, Артем.

– Кстати, ты слышала, как комментатор назвал твоего Аравина? – не дал ей отключится Соколовский.

– Мм...

– Стальной русский волк.

По возвращении домой Аравин некоторое время отдыхал. Натаныч не пускал его в зал и не поддавался ни на какие уговоры.

– Рано тебе, сынок. Восстановись, как следует. Что ни говори, а бой был тяжелый.

Егор и сам это понимал. Во время боя, когда адреналин бурлит в крови, когда азарт и желание победы затмевает боль и усталость, кажется, что все довольно сносно. Настоящая усталость и боль приходят после поединка. Именно после можно адекватно оценить, насколько сложным был бой.

«Аравин умеет улыбаться, – написали в спортивной прессе. – Он запутал Кортеса. Сначала долго изучал, а затем продемонстрировал, что тоже обладает не менее сокрушительным ударом. К тому же на его стороне была скорость в движениях, ловкость и большая сосредоточенность. Мы увидели не просто яростную жесткость и

стремление к победе. Здесь была безумно-медленная для Аравина тактика, буквально шаг за шагом. Он показал всему миру бокса, что умеет действовать на любой дистанции, и при этом он может быть как агрессором, так и игровиком. Он одинаково хорошо работает как первым, так и вторым номером».

– Молодец, сынок, – сказал Шукин, отбросив газету в сторону.

В зале было пусто. За окном уже стояла глухая ночь. Только Аравин с Шукиным не торопились уходить. Сидели прямо на матах, а рядом с ними на разложенной шахматной доске – початая бутылка водки и импровизированная закуска. Жесткое нарушение режима могли себе позволить только после боя. Не то чтобы нуждались в этом физически. Скорее психологически, один день хотелось прожить, как простые смертные – с водкой и салом. Кутежи Аравина после смерти сестры не вспоминали.

Натаныч уверенной рукой разлил горячее по пластиковым стаканчикам и, шумно выдохнув, залпом осушил свою порцию.

Схватив маринованный огурчик и кусок ржаного хлеба, молча зажевал.

– Вина у меня перед тобой, Егор, – тяжело начал тренер. – Не могу простить себе...

Аравин догадался, о чем говорит Натаныч, но промолчал. Не собирался помогать Шукину. А тот выдерживал паузу. Определенно, не специально. Слова подбирал. Как будто удачной фразой возможно смягчить реальность.

– Если бы ты знал, сколько раз я себя тогда корил за то, что не пустил тебя к сестре. Камень на душе, – выдавил Натаныч. А в глазах подозрительно влажно. – Прости, если сможешь.

Егор долго молчал и стакан свой все никак не решался осушить. Понимал, что Шукин ждет от него прощения. И не мог его ему дать. Потому что злился. Больше года прошло, а смерть сестры все еще кровоточащая рана. И меньше всего Егору нужно, чтобы кто-то ее сейчас дербенил.

– Бог простит, – без лишнего пафоса. – А мне своих грехов хватает, – сухо добавил Аравин.

Резким движением поднес стакан к губам и опрокинул в себя огненную жидкость.

– Черт возьми, скажи, что думаешь! – недовольно воскликнул Натаныч.

Аравин посмотрел на него абсолютно спокойно.

– Я так и сделал. Сколько лет знакомы, должен понимать уже, что мне незачем врать, чтобы щадить твои чувства, – откровенно ответил Егор. – А что ты хочешь услышать? Злюсь. Но решение не один ты принимал. И давай на этом закончим разговор.

– Вот никогда нормально с тобой не поговоришь, – с досадой в голосе сказал Шукин. – Ну, а как та девочка, которую ты тогда привез домой?

Вечно Шукин лезет, куда не следует. Как будто так сложно посидеть молча. Почему-то как бабка-сплетница всегда хочет что-то знать.

– Да хрен ее знает, как она! – несмотря на содержание фразы, тон ровный. – Видел пару раз. И честно говоря, приятными эти встречи не назовешь. Сидит дома на печке и в ус не дует... – на секунду умолк. Потом неожиданно вспомнил хвасты Александры Михайловны и добавил: – Рисует на досуге.

– А вот здесь ты не прав, Аравин, – мягко сказал Натаныч. Голос его был каким-то чересчур довольным. Сейчас вывернется, доказывая его недостойное поведение. – На Александру Михайловну, значит, спихнул? Не прав. Ой, не прав.

Егор едва сдержался, чтобы не приложить тренера в глаз. Слегка. На самом деле, он давно привык к тому, что Натаныч постоянно лезет в его жизнь. Иногда даже позволял ему это. Иногда нет. Но сейчас его разозлил сам добродушно-поучительный тон говорившего.

Смолчал и рук не протянул. Не позволил себе. Не мог позволить. Если кого-то Аравин уважал в этой жизни, так это тренера. Поэтому молчал. Только засопел громче.

– Тебя сестра просила. А ты не сдержал слово.

Щукин, склонив голову, снова разливал горячее, поэтому не видел, как разозлился Егор. Но ему и видеть этого не надо было. Слишком хорошо он знал парня. Понятное дело, взбесился.

– Она просила забрать ее, – сдержано-ровно ответил Егор, отмеряя размеренное биение сердца в груди и пытаясь удержаться на грани. – Воспитывать никто не просил. Да и ты представь, если бы я ее воспитывал?

«Оправдывается, – мысленно заметил Щукин, – значит, чувствует себя виноватым».

– Я? – продолжал Аравин, а Натаныч только кивал, хоть и не был согласен. – Полжизни я провожу на ринге. Дома я хочу тишины, – не сказал одиночества, – а она маленькая гримза.

– Вряд ли маленькая девочка может считаться гримзой.

– Какая разница? Ты меня понял, Натаныч, – дрянной характер, тяжелое детство...

– Хмм... как знакомо, – не сдержался Щукин. Поддел иронично, но по-доброму. – Ты точно сейчас о ней, а не о себе говоришь?

– Там все по-другому, – тут же отмахнулся Егор. – Она эмоциональная! Выплескивает на других.

– А это хорошо. Ты хотя бы будешь знать, что у нее в голове. Тяжелее, когда вот так, как у тебя – на все положить...

– Так, мы что меня сейчас будем обсуждать? – в конец раздраженно спросил Аравин.
– Тогда я с «удовольствием» выслушаю твой монолог. Диалога не жди.

– Я тебя сейчас вот этой гирей по башке благословлю, все равно «потрепанный» ты у меня, и поговорим.

Услышав о такой перспективе, Егор неожиданно растянул рот в ухмылке.

– Натаныч, не трепли нервы, дорогой. Тебе своей жизни мало, что ли? Что ты ко мне лезешь постоянно?

– А что у меня? Жена? Дети? Внуки? – горько прозвучали эти существительные. – Пусто. Один как сын. Без роду, без племени. Тебе такого не желаю.

Глава 5

Апрельские солнечные лучики робко скользнули по бледной щеке Стаси, обдавая своим приятным теплом. Девочка вскинула голову, подставляя теплу все лицо и жмурясь с непривычки после затяжной хмурости зимы. В глазах защипало, крохотная слезинка скользнула с ресниц, но в силу своей скудности так и не скатилась вниз по девичьей щеке. Широкая восторженная улыбка расплылась по лицу Стаськи. Безмятежность ленивой волной заполнила душу.

Как же ей было хорошо!

Второй день весенних каникул Стася отдыхала. Бессовестно бездельничала. Бесцельно гуляла по округе. Или просто сидела, как сейчас, на больших качелях во дворе.

Программа в гимназии тяжелая. Много сил уходило на то, чтобы получать максимум из того, что тебе дают. К тому же, в силу последних событий, девочка плохо спала и много нервничала.

Сейчас, когда Аравин дома, хотелось просто расслабиться и ни о чем не думать до следующего боя.

Легонько оттолкнувшись, Стася слегка подала корпус назад и вытянула затянутые в зеленые легинсы ноги, раскачиваясь. Толстые прутья качели охотно повиновались, весело поскрипывая на ходу.

Распущенные волосы тяжелой волной упали за плечи Стаси. Щеки порозовели, а губы снова растянулись в улыбке.

Безграничное чувство свободы переполняло ее. Наконец-то никто не лезет в ее голову. Даже Артём уехал с родителями отдыхать.

Стася не обратила никакого внимания, когда ворота за ее спиной с шумом открылись и во двор въехал автомобиль. Подумала, что Гришка из города вернулся.

Мотор заглох. Дверцей тихо хлопнули и Стаська, не оборачиваясь, закричала, чтобы ее было слышно на том конце двора.

– Смотри, Гриш, настоящая весна! – радость буквально звенела в ее голосе.

Ответа не последовало. Но вскоре она услышала позади себя тихие шаги. Стаська была уверена, что сейчас Гришка закроет ладонями ей глаза. Он всегда так делал, когда девочка сидела во дворе.

Невольно замерла в ожидании этого дружеского ритуала. Шаги позади нее

остановились и стало ощутимо тихо. Стася услышала мягкий шелест ветра и собственное обрывистое дыхание. Но парень позади нее молчал, будто не смея нарушить эту тишину.

– Гриша, ты обманываешь мои ожидания... – весело сказала она и обернулась. Продолжить свою мысль она не смогла, потому что позади нее стоял не Гриша. Это был Егор. Если сказать, что визит Аравина ее удивил, то это ничего не сказать. Она совершенно не ожидала, что он приедет навестить бабушку.

Стася надеялась, что оторопелое выражение ее лица даст Аравину понять, что его не ждали. Чувство безмятежности предательски покинуло ее, а вместо него всплыла щемящая радость наперекор давней обиде.

Думала, что перебесилась. А нет... Три недели назад Аравин вернулся из Испании с чемпионским титулом. Три недели назад... Она только успокоилась. Не читала новости, не смотрела фотографии, не волновалась... Просто не думала. Старалась сфокусироваться на учебе, так как перед каникулами было много контрольных и творческих заданий.

А сейчас в один миг все чувства обрушились на Стасю с удвоенной силой. И все же радость пересилила обиду. Как же она была счастлива его видеть!

Нерешительно поднялась с сиденья качели и стала перед ним, не зная, что сказать. Ноги стали какими-то тяжелыми и непослушными. Да еще и подрагивали от волнения. Сердце ускорило свой бег и все мысли в голове спутались.

Аравин ничего не говорил, но смотрел на Стасю озадаченно из-под темных бровей.

Рассмотрел неторопливо, ни на чем особо не задерживаясь. Просто медленно скользил глазами, осматривая с головы до ног. И назад, возвратился к лицу.

Он качнул головой вместо приветствия. И девочка, будто ждавшая этого знака, порывисто преодолела разделявшее их расстояние и обняла его. Искренне улыбаясь, крепким кольцом обвила его шею. Сердце громко стучало, норовя вырваться из вдруг ставшей тесной грудной клетки. Вряд ли тонкая ветровка способна была утаить это волнение.

Она хотела что-то сказать. Выразить свою радость, поздравить с нелегкой победой, рассказать, как волновалась за него, как скучала... Но слова путались в ее голове и, не придумав ничего путного, она просто продолжала прижиматься к застывшему Егору. Не беспокоили даже занывшие из-за долгого стояния на носочках лодыжки.

Аравин не обнял ее в ответ. Его руки так и остались опущенными вдоль туловища. Только кулаки бессознательно сжал. Порыв девочки стал для него полнейшей неожиданностью. Он молча стоял, не соображая, как действовать в данной ситуации.

Даже Рита никогда не позволяла себе такой импульсивности. Всегда прижималась осторожно и мягко. Чувствовала, когда вообще не стоит трогать. А вот так вот с размаху, с разбегу весь шквал своих эмоций на него еще никто не вываливал. Никто не обнимал его вот так порывисто и смело. Стася не спрашивала разрешения, не мялась и не жеманничала. Это было неожиданно, как вспышка. Обняла настолько крепко, насколько позволяла девичья сила. Так встречают только близких людей. Поэтому он не понимал, чем вызвал такой восторг. Откуда у девчонки такая искренняя радость?

Стася... Тонкая и звонкая. Необычайно хрупкая и податливая. Аравин старался не думать о приятных выпуклостях, которые сейчас доверчиво давят ему на грудь. Неправильно это. И все же мысли скользили в его голове.

Открытость девочки подкупала. Чтобы он там ни говорил Шукину. Аравину нравились ее искренность и естественность.

Хорошо, что он не обнял ее. Сейчас ее близость буквально воздушная. Невинная и доверчивая.

Он не хотел ее касаться. Точнее, хотел. Но это было бы в край неразумно.

Зачем усложнять?

Может, она вообще всех так встречает? Гришу звала... Веселая такая была. Какие у нее вообще с Гришкой отношения? Огорчение протестующе колыхнулось в груди, удивляя Егора еще больше.

– Так и будете на улице стоять? – от громкого ворчливого голоса бабы Шуры Стася вздрогнула.

Инстинктивно хотел заслонить ее. Защитить. И сам поразился, что испуг девчонки вызвал в нем такие чувства.

Стася медленно отстранилась. Тонкие руки опустились вниз и спрятались в карманах золотисто-рыжей ветровки. Еще немного и обезумевшее от счастья сердце выскочит из груди.

Глубокий вдох. Несмелый взгляд на Аравина. Недовольный. А ей плевать! Пускай хмурится, сколько его душе угодно. Его кислое лицо не заставит ее пожалеть.

– С возвращением домой! – возвратившаяся храбрость позволяет сказать это ровно. Дерзко, почти с вызовом.

Правая аравинская бровь приподнялась. На губах появилась сдержанная ухмылка.

– Эмо-кид? – глухо спросил он.

– Что?

– Не делай так больше, – строго и также тихо.

– Как?

– Ты знаешь.

– Что вы там шепчетесь? – снова недовольно шикнула Александра Михайловна, зазывая в дом. И девочке ничего не оставалось, как пройти к распахнутой двери. Впрочем, она все равно не нашлась с ответом. Слова Аравина привели Стасю в замешательство.

– Агов, не так шибко, – с усмешкой пожурила баба Шура задумавшуюся Стасю. – Чуть с ног старуху не сбила.

Аравину же достался тяжелый укоряющий взгляд.

– Бисов змий! – вполголоса, только для Егора. – Входи уже!

– Как дела? – осторожно спросила баба Шура, едва сели за стол.

Аравин ответил долгим взглядом. Не нравился ему тон бабушки. Небось нафантазировала себе больше положенного.

– Как в сказке. Не умер и не женился, – спокойно ответил он.

Александра Михайловна на его слова никак не отреагировала. Видимо, привыкла уже к подобным репликам внука.

– Что-то ты затянул с визитом... – совершенно несвойственным ей деликатным тоном сказала женщина. – Обещал неделю назад.

Услышав это, Стася удивленно вскинула глаза на бабу Шуру. Встревать в разговор не хотела. Сидела молча, давая возможность бабушке поговорить с внуком. Но задумчивая улыбка то и дело блуждала по лицу Стаси. Она с аппетитом ела приготовленные Аравинкой вареники и изредка бросала на говоривших внимательные взгляды.

– Только не начинай. Меня три месяца не было в городе. Много дел накопилось... – отмахнулся Егор и принялся за еду.

– Как же! – недоверчиво фыркнула баба Шура, возвращаясь к своей привычной манере разговора.

Аравин лишь ухмыльнулся на этот выпад и продолжил есть. Такой бабушка нравилась ему гораздо больше. Привычнее.

– Ладно. Не будем портить день, – миролюбиво заключила Александра Михайловна спустя пару минут. Видела, что спор ни к чему не приведет. Мысленно вздохнула, в который раз думая, что найти подход к внуку невозможно. Как ни старалась, не получалось. Непробиваемый! И все же не хотела сегодня спорить. И так очень редко видятся. Вон Стаська какая счастливая сидит. Глаз с него не сводит.

– Вижу, тот испанец здорово тебя помутузил, – заметила баба Шура, – до сих пор ссадины остались.

– Это ты еще испанца не видела! – в голосе Егора нет самодовольства. Привычно ровная интонация.

– Упаси Боже! Мне хватает того, что мне Стася рассказывает. Это она – твоя ярая фанатка. Вон ночью прямую трансляцию смотрела.

– Ба! – возмущенно осадил «железную» бабушку Стася. Посмотрела выразительно, намекая, что подобные откровения ни к чему. Александра Михайловна никак не

отреагировала. Кинулась подавать Егору фаршированную горбушу:

– Твоя любимая рыба!

Зато взгляд Аравина прожег насквозь. Щеки вспыхнули, как ни старалась Стася напустить на себя беззаботный вид. Что называется, душа задрожала под этими пронизывающими глазами. Сжала вилку сильнее, но взгляд не отвела.

– Люблю спорт! – попыталась выкрутиться девочка. – На прошлой неделе даже записалась в одну из секций.

– На художественную гимнастику, – добавила баба Шура, на долю секунды задерживая на девочке взгляд. Они здорово поспорили тогда. Стася захотела записаться в секцию бокса. Аравина была категорически против. Едва услышав подобное заявление от Стаси, чуть в обморок не грохнулась.

– Только через мой труп! – вскричала Александра Михайловна.

– А что здесь такого? – упрямо спросила девочка.

– Что такого? Мало мне внука-боксера, так ты еще туда же... Это не спорт! Это какой-то совершенно бессмысленный мордобой!

– Неправда! – с обидой парировала Стася. – Это искусство! Здесь тоже голова нужна! Тактика! Выдержка! На одной силе далеко не уедешь. Думаешь, Егору так просто чемпионский пояс достался?!

Баба Шура в сердцах швырнула фартук на ближайший стул.

– Знаешь, я бы и Егора никогда не пустила в бокс! Это его родителям безразлично было, чем чадо занимается, лишь бы под ногами не болталось лишний раз. Ох... – вздохнула тяжело. – Что говорить... Ты сама видела, какой он. Застрял в своей горечи. Ничего ему не надо. А ты – девочка! Толковая девочка! Рисуй, танцуй... Ну я не знаю, что еще...

– В боксе нет ничего плохого, – настойчиво, но уже совсем тихо повторила Стася.

– Ну, етить колотить, вся семья непутевая!

Девочка слегка поморщилась под изучающим взглядом Александры Михайловны. Как трудно давалась ложь. Ей было стыдно обманывать бабу Шуру. Ведь уже вторую неделю она ходила в секцию бокса.

Об этом знал только Гриша, который возил ее в спортивную школу. Рассказала, так как секции гимнастики и бокса находились в разных корпусах. Парень посмеивался над ней и беззлобно шутил каждый раз, когда она едва волочила ноги после тренировки. Только в спортзале Стася осознала, насколько хилая. Тренер сказал, что ей нужно здорово поработать, чтобы развить хотя бы среднюю физическую выносливость, необходимую на ринге. Нет, она не стремилась в большой спорт. Занятия боксом помогали ей лучше представить, чем живет Аравин. И каким бы странным это ни казалось, так она чувствовала себя ближе к нему.

Аравин как всегда равнодушно отреагировал на новость. Гимнастика, так гимнастика. Нормальное занятие для девчонки. Только поведение Стаси показалось

ему сейчас неестественным. Она явно ступала под взглядом бабы Шуры.

Александра Михайловна этого не заметила. Она как раз поднялась к плите. Стояла спиной к столу и накладывала в овальное блюдо налистники со сладким творогом.

Либо девчонке не нравилась гимнастика... Либо она туда не ходила...

От последней догадки сердце невольно дрогнуло.

«Тогда, куда она ходит?»

Егор уперся в девочку взглядом.

И чем дольше он смотрел на Стасю, тем больше она выдавала себя. Отводила взгляд в сторону. Старательно поправляла скатерть около себя. Смахивала несуществующие пылинки с золотистой водолазки.

Но долго Стася не выдержала его обличительного взгляда. Возмущенно вскинула ладони вверх и спросила одними губами: «Что?».

– Ты врешь, – уверено и тихо сказал он, выжигая этими словами воздух вокруг них.

Девчонка покраснела, еще больше подтверждая его догадку. Но ответить не успела. Баба Шура вернулась к столу.

– А кто Стасю возит на гимнастику? – на последнем слове акцент и едкая усмешка. Но больше всего Стасю разозлило то, что вопрос задан Александре Михайловне, как будто ее здесь нет.

Девчонка послала Аравину убийственный взгляд. На который он, естественно, и бровью не повел.

– Дак Гришка, кто еще? – простодушно ответила баба Шура.

Остаток трапезы прошел в еще более напряжённой обстановке. Говорила преимущественно баба Шура. А Егор все сверлил Стасю взглядом. Поэтому девочка вздохнула с облегчением, когда трапеза закончилась.

– Ты говорила, у тебя ко мне серьезный разговор, – напомнил Аравин бабушке, поднимаясь.

Чтобы хоть чем-то себя занять, Стася начала собирать грязную посуду со стола.

– Да. Я в начале мая на койку ложусь. Нужно прокапаться. Нинка съездит к дочке в Киев и лягу. Она обещала за Стасей присмотреть. – Аравина говорила размеренно и гладко. Поэтому ее слова не вызвали у Стаси никакого опасения. Обычная процедура для гипертоника ее возраста. В том году баба Шура тоже проходила лечение. Правда, амбулаторно. Ездил две недели на капельницы и уколы. В этот раз сказала, что хочет полежать. Девчонка не возражала. Для нее главное, чтобы баба Шура себя хорошо чувствовала.

– Мне бы хотелось, – продолжила Александра Михайловна, – чтобы ты навещался к нам домой, пока меня не будет. У Нины возраст, ей помощь может понадобиться.

– А не проще взять гувернантку на время?

– Чужих людей в доме не будет! – безапелляционно заявила баба Шура. – Прислуги у нас хватает. – Затем добавила мягче: – Егор, я прошу.

От этой непривычной мягкости ему стало не по себе. Слышалась в ее голосе какая-то непривычная мольба. Неужто все серьезнее, чем бабушка хочет показать? Неприятно стало на душе. Зябко.

– Хорошо.

Глава 6

Вот Ты называешь себя свободным...

Скажи, свободным от чего-то, или свободным для чего-то?

© Ницше Фридрих

За окном второй час лил настойчивый дождь. Капли стремительно и шумно опускались на алюминиевые оконные отливы. С силой били в стекла панорамных окон, как будто стремились прорваться внутрь. Подчас срывался заунывный ветер, добавляя помпезности ненастью за окном.

Аравин неподвижно лежал на широкой кровати, не замечая ничего вокруг. И Рита рядом с ним притихла, довольная, что не прогнал домой. Пускай и думает о своем, совершенно игнорируя девушку. Уперся взглядом в невидимую точку на идеально ровной поверхности глянцевого потолка и молчал.

Девушка тихонько поерзала на постели, устраиваясь удобнее. Старалась долго не сверлить Егора взглядом. Вряд ли бы ему это понравилось.

Красные стринги и обнаженная пышная грудь девушки сейчас не волновали Аравина так сильно, как двадцать минут назад. Но Рита не решалась потянуться за отброшенным в спешке одеялом, словно боялась привлечь к себе его внимание. Егор же успел после душа натянуть спортивные штаны и в теплом укрытии попросту не нуждался.

Потерпев пару минут, Рита все-таки натянула на себя шерстяное покрывало. Мужчина даже глазом не моргнул. Лежал все также неподвижно.

Вот бы залезть в его голову и узнать, о чем думает. Аравин постоянно о чем-то размышлял. Или делал вид, что размышлял, когда молчал вот так вот, уставившись в одну точку.

Фоном негромко играла музыка. Еще больше оттеняя бушующую непогоду за окном. Ничего романтического. Извечный, любимый Аравиним «Сплин». Большую часть песен Рита знала дословно. Везде была эта музыка – в спальне, на кухне, в машине Аравина. Всей душой ненавидела эти песни. Каждой частичкой своего сердца. Была в них какая-то безнадежность. Сладко приправленная горькая обречённость.

Печальная усмешка скользнула по ее лицу. В тон дождю хотелось плакать. Также

сокрушительно и безвозмездно. Но не могла себе позволить этого. Не здесь. Не при мужчине. Сглотнула застрявший ершистый ком в горле. Перевела дыхание. Плотнo сомкнула глаза, полностью отстраняясь от внешнего мира.

Рита хотела полноценных отношений. Легко разговаривать на самые разные темы. Спокойно просыпаться в одной постели. Созваниваться во время долгой разлуки. Ходить с ним в ресторан, встречаться с друзьями и ездить отдыхать на море.

Но слишком хорошо она изучила Аравина за два с половиной года.

Редкие походы в ресторан носили исключительно потребительский характер. Вкусно поели и домой. Никаких тебе задушевных разговоров, милых шуток и теплых слов.

Отдыхали по отдельности. Никогда не совпадал ее отпуск с его графиком. То у него бой, то подготовка к бою. Добровольный пленник постоянного режима. И все же это он не желал идти навстречу. Никогда не подстраивался. Ему просто это не было нужно.

Разговаривать с Аравиным все равно, что решетом воду мерять. Также бесполезно.

Часто прокручивала в голове момент их знакомства. Был день их рождения – одиннадцатое ноября. Ей двадцать пять. Ему двадцать два. Шумный клуб. Малоознакомая компания. Сразу его заметила. Дыхание перехватило, как понравился. Невозможно было устоять. Аравин источал вокруг себя уверенность и силу. Совсем молодой еще, а стальной стержень уже присутствовал. Голову потеряла. Сама пригласила его танцевать. Он отказал. Взамен дерзко предложил перейти сразу к заключительному раунду. Через сорок минут они впервые срывали с друг друга одежду. Вот так вот легкомысленно быстро начались их отношения.

«С тех пор и вьется эта канитель – легко встречаются, без боли расстаются4...» – процитировала Рита в уме классика и горько улыбнулась сама себе.

Он всегда был откровенен. Говорил, что думает, не особо стесняясь в выражениях.

В сексуальном плане несдержанный, напористый. Каждый раз сходила с ума от этой грубой безудержной силы. Наверное, его мало заботило сексуальное удовлетворение Риты. Но вопреки этому она ни разу не осталась обиженной. Кайфовала вместе с ним! Прогибалась, подстраивалась, ни в чем не отказывала. В этом плане они идеально подходили друг другу.

Но, к сожалению, Рите этого было мало.

Возможно, было бы лучше, если бы они никогда не встретились. Не было бы этой безысходной зависимости от него. Знала, что безразличен к ней. Никогда он не скрывал этого. Точнее, его поведение красноречиво свидетельствовало.

Пустые фразы, скупые ухмылки, ироничные замечания... Как же она устала от всего этого! Но уже не могла без Аравина.

Любила ли? Скорее да, чем нет. Слишком много между ними было стен и перегородок. Слишком разные. Как ром и молоко. Несовместимы вместе.

Совершенно не понимала его.

Казалось, ему никто не нужен. Иногда даже становилось страшно от такого безразличия. Что им руководит? Чем живет? В конце концов, откуда он черпает силу, с которой идет по жизни? Любому человеку нужны тылы. Люди, которые одним своим присутствием возрождают к жизни после очередного разочарования. Дают желание двигаться дальше. Не было у него никого и ничего. Ничего, кроме бокса.

Страшнее всего – воспоминания конца позапрошлого года. Умерла его сестра. Надо же, Рита только тогда и узнала, что она вообще была.

Аравин был похож на зомби. Часами пил и молчал. На ее слова не реагировал.

Кричала, молила, плакала. А он смотрел словно сквозь нее. Будто и не было ее. Даже не прогонял, потому что безразлично было: что есть, что нету.

До сих пор мурашки по коже, когда видит его за тем журнальным столиком в гостиной. Глубокие воспоминания – жуткая вещь.

И эта безумная музыка, бесконечно звучащая в его квартире:

Вот она гильза от пули навывлет,

Карта , которую нечем покрыть.

Мы остаемся одни в этом мире.

Бог устал нас любить,

Бог устал нас любить.

Бог просто устал нас любить,

Бог просто устал 5.

Устала. Ушла. Через время сам позвонил. Сказал приезжать. Не попросил. Потребовал. Едва увидела его, чуть не расплакалась вновь. Сжал крепко. Швырнул на кровать. Долгий выматывающий акт. Ни грамма ласки к ней. И все равно приняла его.

– Рита, ты замуж хочешь? – спросил Аравин, неожиданно врываясь в ее мысли. Он не повернулся к девушке. Смотрел все также прямо перед собой.

Рита буквально задохнулась, услышав этот вопрос. Улыбка нервно легла на лицо.

– Шутишь? – подскочила она на кровати.

– Нет, серьезно.

– Ты предлагаешь, что ли?

Он повернул голову. Посмотрел внимательно.

– Я – нет, – коротко и ясно. – Может, я тебе жить мешаю? Нашла бы себе кого-нибудь...

Как же, бл*дь! Запереживал! Аравину всегда было безразлично, мешает он кому-то или нет!

С шумным вдохом Рита снова откинулась на подушку. Прикрыла глаза рукой и выдохнула:

– Аравин, ты совсем, что ли? Захочу – найду. С тобой или без тебя, – обиженно соврала она.

– Хорошо, если так. Главное, не ври мне. Не люблю этого. Ты же знаешь, – говорил размеренно, с четкими остановками и в глазах – бескомпромиссная холодность. Внутри все задрожало от этого сочетания. Машинально кивнула. Впрочем, была уверена, что не солжет ему никогда. Не сможет просто. Аравин душу выест чайной ложкой, когда поймет, что она врет ему. Себе дороже выйдет эта ложь.

«Вот о чем он думает? Какая свадьба? К чему этот вопрос?» – терзалась Рита, когда Егор снова отвернулся.

А думал Аравин о совершенно противоположных вещах. Заговорив с Ритой, хотел переключиться. Не получалось.

Из головы не выходила встреча с бабушкой. А точнее, с ее малолетней подопечной. Не хотел думать о ней. Рассчитывал, что общество Риты отвлечет от ненужных размышлений.

Стася... Как ее там правильно? Сладкова Анастасия Романовна. Надо же, какое сочетание! Анастасия Романовна звучит почти по-царски. А фамилия какая! Смешная. Ассоциируется с воздушной сладкой ватой. Мед, мармелад, зефир, пастила и щербет... Он не любил сладкое. Он рыбу любил.

Бл*дь, какой дурдом! Что за бардак у него голове?

Почему она врет? Куда ездит? С кем встречается?

А может, она с Гришкой того? Черт, это вполне возможно. Неприятная тяжесть заполнила грудь. Да так, что дышать становилось трудно.

Нет, ему вообще фиолетово!

Просто неожиданно все это.

А вдруг все еще хуже...

В голове пронесся новый поток дурных мыслей – алкоголь, наркотики, секс, секта...

Да ему глубоко параллельно, чем она занимается! Дура, если так бездарно загубит свою жизнь! У нее есть все необходимое в современном столичном обществе. А может быть еще больше. Глупая дура!

Нет, ему плевать! Пускай проматывает свою жизнь! Ему вообще по *ер!

Егор прикрыл глаза. Представил ее в замызганном темном помещении. Бутылки, иголки, обнаженные тела, кровь... Много крови... Пи*дец, она еще такая зеленая! Голову всунет в какую-то дрянь, сама не поймет, когда успела.

Нет, ему начхать!

Тяжело вздохнул. Задумался...

Или все-таки не все равно? За*бись!

Как же все сложно! Бл*дь, как все сложно!

Ему должно быть параллельно. Это ее жизнь! Она ему – чужая. Что б ее... У него есть дела поважнее, чем разгадка тайн маленькой врунишки. А он – то думал, что она врать не умеет. Точнее, она и не умеет. Но врет! А это уже меняет дело.

– Настя, ну что ты молчишь? – нетерпеливо спросил Артем, забирая из рук Сладковой книжку в мягком переплете.

– Молчу, потому что, когда я заставляю себя предаться занудному изучению глупости Луизы Миллер, то стараюсь не отрываться. Чревато тем, что на этом я сегодня и закончу.

Стася без тени сожаления проводила взглядом отброшенную Артемом на письменный стол книгу.

Соколовский весьма привлекательный сегодня в кобальтово-синем джемпере и серых брюках. Густые волосы привычно взъерошены в творческом беспорядке. Серые глаза блестят.

– Как Прага? – поинтересовалась она, с улыбкой глядя на друга.

– Хм... нормально. А я уж думал, ты сегодня не уделишь мне внимание. Ничего, что меня не было неделю? «Привет, Соколовский. Садись на стул и подожди пару минут», – передразнил он отстраненный голос Стаси. – Так-то ты за мной скучала?

Девочка смущенно засмеялась.

– Как будто я к преподу на пересдачу пришел.

Она снова рассмеялась на его сравнение. На этот раз уже мягче и свободнее.

– Как дела, Артём? – с подчеркнутым вниманием спросила она и легонько похлопала по кровати рядом с собой, приглашая сесть.

Соколовского уговаривать не пришлось. В ее комнате он был третий раз. Стасе нравилось сидеть с Артемом бок о бок и разговаривать. Они росли, их дружба крепла. Они понимали друг друга. Им было легко. Раньше только с Алисой она могла так поговорить. С бабой Шурой не всякую тему обсудишь.

– Ну, наконец-то, хоть немного тепла в твоём голосе.

– Ты же знаешь, бывает я ухожу в себя. – Беспечно болтала ногами и улыбалась. – А тут еще эта книга. До вторника нужно закончить. Литература – сродни испытанию. Взрывает мозг, заставляя думать о вымышленных людях и их судьбах. Как будто в реальной жизни мало плохого...

– Ну, Насть... Местами согласен, а местами категорически нет. Чем ты вообще занималась на каникулах? – заглянул в зеленые глаза Стаси.

Девочка неопределённо повела плечами. Выпятив нижнюю губу, задумалась.

– В принципе, ничем. Наслаждалась бездельем. Парочку фильмов посмотрела, интересные ссылки я тебе там «В контакте» кинула... Бродила по округе... На речке уже красотень! Травка пробивается, вода шумит...

– Сходим потом, – кивнул Соколовский. – Рисовала что-то новое? – спросил между делом.

– Нет, – поспешно ответила Стася. – Нет, ничего не рисовала, – снова повторила. Потому что не собиралась показывать Артему свои последние рисунки. Впервые не хочет этого делать. Чувствует, что не стоит делиться таким. – А пошли прямо сейчас к речке? Пока не стемнело, а? – воодушевлено предложила Стася, хватая парня за руку и поднимаясь с кровати.

Чуть позже, оставшись одна, Стася осторожно открыла вишневую папку формата А3 и, легонько сдвинув чистые первые листы, достала портрет.

Она все-таки нарисовала его!

Плотный лист бумаги задрожал в ее руках. Испытывала непонятное смущение, будто совершила что-то непозволительное. словно не имела права рисовать его. Сама не знала, почему рисунок вызывает подобные мысли. Ведь в ее папке было много портретов. Хорошо знакомых людей и случайных встречных. Рисовала всех, кого хотела. А тут почему-то неловко было от мысли, что кто-нибудь увидит этот портрет.

Без всякого тщеславия готова сказать, что работа получилась весьма неплохая. Сходство потрясает. Грифельный рисунок отражает все аспекты его лица. Каждый штрих точно попадает в образ. Поворот лица, положение бровей, взгляд, твердая линия подбородка, напряженные скулы и плотно сжатые губы – попадание на все сто процентов. Сама не ожидала, что получится так хорошо.

– Вот бы Алиса могла это увидеть, – прошептала девочка сама себе.

Егор Аравин, запечатленный умелой рукой, сурово смотрел на улыбающуюся ему Стаську.

– Злись сколько угодно! – задиристо сказала Стася.

Короткий девчачий смешок рассек тишину комнаты.

Глава 7

Я хотел увидеть тебя, чтобы понять,
приятно ли будет опять увидеть тебя.

к/ф На последнем дыхании ©

Восемьдесят первая минута ожидания...

Егор не отодвинул сидение в салоне автомобиля дальше. Не попытался вытянуть ноги и размять затекшие мышцы. Просто потому что не собирался расслабляться. Сидел ровно, ощущая, как напряжение сковывает тело цепкими кольцами. Собранный, раздраженный, уставший, растерянный, разочарованный, обеспокоенный, злой – весь спектр эмоций в перебродившем вареве собственной души. Не лучшее сочетание. Понимал, что ничего хорошего его не ждет. Рефлексовал, копался в себе, с головой погружался в грязную жижу воспоминаний.

Ненадолго вспыхнул свет в салоне автомобиля. Порывшись в дальнем углу бардачка, выудил припрятанную пачку сигарет.

Неясно ухмыльнулся возвратившейся темноте. Срывая пленку с пачки, не испытывал сомнений. Бокс не позволял ему курить. Никому не нужны отдышка и снижение выносливости на ринге. Здоровые легкие – это пятьдесят процентов результата. Но сейчас горький яд ему необходим.

Прихватив зажигалку, вышел из салона. Сделал несколько шагов и невольно поежился от холода, который проникал сквозь тонкую черную рубашку. Зря куртку из машины не взял, но возвращаться не хотелось. Стал в тени раскидистого, пока еще не убравшегося в листву дуба и закурил. Медленно втянул в себя едкий дым, чувствуя, как никотин заполнил легкие.

Воспоминания нахлынули тяжелой лавиной. Беспощадно придавили яркими вспышками из прошлого.

В Алисе всегда был бунтарский дух. Она спорила с гувернантками и учителями в гимназии, прогуливала школу. Рано стала ходить на дискотеки. У матери на первом плане была карьера, гастроли, участие в мюзиклах.

«Дом – это быт. А я творческая натура», – вспомнил он слова матери. Въелось в память на всю жизнь. Теперь вдвойне сторонился людей подобных профессий.

Отец не был настолько безразличным, как мать. Иногда он водил их с сестрой к речке или готовил для них ужин. Иногда... Безбожно мало времени на детей. Заканчивались съемки одного проекта и начинались новые. В промежутках –

спектакли, выставки, благотворительные мероприятия. Бл*ть, смешно до боли! Для посторонних людей их родители были идеальными. Талантливыми, успешными и самодостаточными.

Алиса доставляла родителям хлопоты, к которым они не были готовы. Поэтому в пятнадцать лет ее отправили учиться в школу закрытого типа. Думали, что таким образом усмирят ее мятежность и своевольность. Но не тут-то было. Алиса постоянно сбегала оттуда. Тусовалась с непонятными компаниями, ночевала у малознакомых людей. Поначалу она возвращалась домой после коротких загулов. Егору было тогда тринадцать, и он хорошо понимал, что происходит с его сестрой. Отчетливо помнил чувство тревоги, которое испытывал, глядя на Алису, неестественно и неискренне хохочущую в алкогольном дурмане. Но ни разу не попросил прекратить. Думал, с возрастом успокоится. Остепенится. Не понимал тогда, что она загубит свою жизнь.

Горечь подступила к горлу, но лицо осталось спокойным. Нет, он не смирился. Не было пока в его душе столько силы, чтобы смириться с потерей самого родного человека. Бесспорно согласен, что история не терпит сослагательных наклонений. Но легче от этого не становало. Боль притихла, но не ушла. И сейчас от одной мысли, что эта малолетка влезет в подобное дерьмо, становилось тошно. Не мог допустить такого.

Баба Шура всегда нахваливала девчонку. Откровенно говоря, он точно не знал, насколько они близки. Заметила ли бы Александра Михайловна, случись что-то чертовски плохое? Не знал он. А уж, имея представление о детстве Сладковой...

Тяжелые двери трехэтажного здания в очередной раз открылись, и на улицу наконец вынырнула Стася. Долгое ожидание накрутило нервы словно нити. Обугленные и все еще тлеющие от тягостных и неприятных размышлений.

Пристальным взглядом рассматривал приближающуюся девочку. Боялся упустить любые мало-мальски значимые детали.

С виду ничего примечательного.

Широкий легкий шаг. Что называется, на подъеме. Одна рука придерживала красную спортивную сумку на плече, свободная болталась в такт ее ходьбе. Из-под короткой кожаной куртки выбился растянутый вязаный свитер белого цвета, слегка прикрывая бедра, затянутые в узкие потрепанные джинсы. Длинные волосы то и дело взлетали ввысь от быстрого передвижения.

Стася подошла совсем близко и остановилась. Задумчивое выражение лица сменилось растерянностью. Неуверенно огляделась, в поисках Гришкиной машины. Тут тоже не обошлось без участия Егора. На этой неделе он несколько раз созванивался с бабой Шурой и узнал, в какие дни Стася посещает спортивную школу. Потом связался с Гришкой и уточнил, где именно находится корпус. Через полчаса уже говорил с Яковенко на стоянке.

– Гриша, ты мне одно скажи: куда она ходит? – цепкий взгляд Аравина впился в собеседника.

– Егор Саныч... – Гриша явно растерялся, но старался виду не подавать. – В спортклуб, куда еще.

Легкий шорох ветра приглушал разговор от посторонних ушей. Но это сейчас не важно. Не нравилась Егору реакция Гришки.

– В клуб, значит... – придавил Яковенка ледяным взглядом. – А если не девальвировать ситуацию? Ты меня сколько знаешь? Я зазря беспокоить не буду.

Гришка упрямо отвечает столь же холодным выражением серых глаз.

– Егор Саныч... – интонацией как бы говорит «не начинай».

Аравин на мгновение увел взгляд. Огляделся. Привычно оценивал ситуацию. Затем пружинистый шаг в сторону и крепкий захват затылка Яковенка. В прямом смысле слова, столкнулись лбами. Глаза в глаза.

– Какой я тебе Егор Саныч? – прошипел раздражено. – Забыл, как вместе с тарзанки прыгали? Или как бензин у Борисыча коммуниздили? – острый взгляд впился в глаза друга детства. – Я тебя прямо спросил. Что ты слился-то? Или может, нравится эта малолетняя обуза? Может, мутяк у вас?

Гриша напряжено застыл, но не попытался ослабить захват Егора. Они действительно знали друг друга с детства. Дядя Гриши, Иван Борисович, в то время водителем у Аравиных работал. И Гришка, росший без отца, иногда забегал к нему. Так и познакомился с Егором. Долго дружили. Пока Алиса не пропала, и Аравин не перестал посещать отцовский дом.

– Она хорошая девчонка, – прямо ответил парень. – Ничего нету. Хорошо общаемся, не более. Куда ходит, сказал.

– А чего напрягся тогда? Вопросы не нравятся?

– Мое дело маленькое: отвез, привез. Я из машины редко выхожу. Если что не так – спроси ее сам!

Егор в последний раз проморозил товарища взглядом и резко отпустил.

Развернулся и зашагал в сторону своей машины.

– Ты свободен сегодня. Я сам заберу девчонку, – скомандовал, не оборачиваясь.

Увидев Аравина, Стаська не знала, чему удивляться больше. Тому, что он курит или тому, что он вообще здесь находится. Совершенно неожиданная встреча для большого города. Безотчетное волнение лихорадочно проснулось и, щекоча изнутри грудную клетку, взвилось тонкими струйками вверх. Приятное и неловкое чувство одновременно.

В горле странно запершило, будто при простуде. Робко прокашлялась и насторожено посмотрела на Егора.

– Привет... – ждала, что он объяснит свое появление. Но Аравин продолжал неспешно курить и сверлить ее взглядом.

Неуверенно переступила с ноги на ногу и мимолетно прижала руки к внезапно потеплевшим щекам. Тело приятно ныло после выматывающей тренировки. Хотелось поскорее попасть домой и принять горячую ванну. Раньше не понимала, что бокс

настолько тяжелый спорт. С непривычки болело все – ребра, пресс, мышцы плеч, спина и ноги. Думала, что с каждой тренировкой будет легче. Но тренер попался дотошный и каждую тренировку добавлял задания, не давая телу привыкнуть к нагрузке.

Работали на лапах: развивали координацию и реакцию. Много времени уделяли разминке и растяжке. Ну и традиционная груша. А Стаська уже рвалась на ринг. Тренер тормозил ее, заявляя, что нечего ей там пока делать.

– Как дела? – спросила, не задумываясь. Начинала нервничать, потому что не понимала, что ему нужно.

– Твоими стараниями, – его голос глухой и низкий после долгого молчания показался Стасе каким-то далеким и отстраненным.

– Прости? – не поняла его слов. И тут же мысленно отдернула себя. В который раз почувствовала себя глупой и несмышленной рядом с ним. Лучше бы вообще молчала. Не раз баба Шура говорила: «Что на уме, то на языке».

– Сегодня обниматься не будем? – выбросил сигарету, мало заботясь о том, куда она приземлилась, и улыбнулся одними губами.

Неопределенно пожала плечами, не зная, как реагировать на этот сарказм.

– Где ты была? – неожиданный вопрос в лоб и выражение лица предельно серьезное.

– На тренировке, – скосила взгляд в сторону и сделала вид, что поправляет сумку на плече.

– Это мы уже проходили, – обманчиво терпеливо начал Аравин. – Ты говоришь неправду. И мы оба это знаем.

Коварный румянец моментально вспыхнул на ее щеках. Понимала, что сама же себя выдает, но ничего не могла поделать. Не могла противостоять. Этот пристальный взгляд проникал в душу. Инстинктивно хотелось заслониться. Спрятаться. Не дать считать себя как распахнутую книгу.

– Не знаю, что ответить на такое заявление, – откровенно сказала она и, поддаваясь порыву, слабовольно скрестила руки поперек груди.

Мимолетный взгляд отследил и это действие.

– Если не умеешь врать, лучше говорить правду, – милостиво дал совет Аравин.

После этих слов повисла неловкая тишина. Стася молчала, собираясь с мыслями и раздумывая, как лучше выйти из сложившейся ситуации. Первой реакцией было желание крикнуть, что это не его дело. Но что-то остановило.

– Мне не хотелось бы... не хотелось бы... – она замешкалась, подбирая слова. Как назло, ничего не получалось: голос дрожал, мысли путались. – Не хотелось бы... я...

– А ну дыхни, – резко потребовал он, в один шаг сокращая расстояние между ними.

– Что???

в твердую линию его рта.

– Черт возьми, просто выдохни! – склонился к ней ниже и еще ближе.

Машинально послушалась, ощущая, как собственное дыхание ударило о его подбородок.

– А мятная жвачка зачем?

Стася захлопала глазами, в очередной раз не зная, что отвечать.

– Это что преступление? – прорвалось первое возмущение.

Аравин внимательно следил за ее реакцией. Намеренно долго задержал взгляд на крупных зеленых глазах. Зрачки нормальные, поведение адекватное для подобной ситуации. Но что-то же было не так! Зачем-то она соврала.

Неподалеку заорала чужая сигнализация, и девчонка повернула голову в сторону этого звука.

– Стася, – обратился он к ней по имени, требуя всецелого внимания, – я имею довольно хорошее представление, что такое гимнастика. В шестнадцать лет не начинают...

Их взгляды снова скрестились. Его настойчиво-глубокий и ее нерешительно-колеблющий. Отчетливо видел момент, когда она сдалась. Взмахнула ресницами, прикрывая глаза, и тут же снова распахнула. Заглянула в душу как-то по-особенному доверчиво.

– Хорошо. Я тебе все расскажу. Только обещай, что не будешь кричать, – попросила она.

Смена ее поведения несколько не удивила Егора, и он с готовностью кивнул, тем самым выражая свое согласие.

– Я действительно была на тренировке. Но я никогда не ходила на художественную гимнастику, – вынужденная пауза для того, чтобы перевести дыхание и, наконец, разгадка: – Я занимаюсь в секции по боксу.

Кажется, что тишина вокруг них стала осязаемой. Даже игривый ветер притих. Затаился, давая возможность Егору осмыслить сказанное.

Он не верил. Он не хотел верить в это. Он не мог поверить! Внимательно всматривался в ее лицо, видел в ее глазах надежду на поддержку и все равно не верил. В голове не укладывалось просто. Почему? Зачем? Хрупкая девчонка в громоздких боксерских перчатках. Никогда этого не понимал.

Возмущенное недоумение оттеснило все на задний план. Даже вспыхнувшее чувство облегчения.

– Пи*дец! И что это за вы*бон? – выдохнул ровно, лишь глаза обжигаяще полыхнули недовольством.

Стася густо покраснела. Нет, эти слова не новы для нее. От отца-то и не такое

слышала. Да и сама периодически ругалась как сапожник. Хотя старалась бороться с этим. Не нравилось. Грязные слова никого не красят. Но сейчас румянец вызван не смущением, а обидой. Не ожидала от Аравина такой реакции.

– Я спрашиваю, какого *** ты туда поперла? – настойчиво и громко спросил он. – Ты девочка! Девочка должна оставаться девочкой. Нормальные девочки кулаками не машут! Такие девочки никому не нравятся.

Стаська буквально пунцовая. Но не знает, что отвечать. Стыдно так, что хочется просто провалиться сквозь землю и никогда не возвращаться. Обида, унижение, разочарование в один момент захлестнули всю ее сущность. Едва живая стояла перед ним. Мир наивных фантазий грубо разрушен. Никогда он не поймет ее. Никогда они не будут ближе! Не стоило и пытаться. Только дурой себя выставила.

– Это что за пи*дец вообще?

– Ты обещал не кричать, – срывающимся голосом буркнула Стася, не скрывая обиду. Готова была расплакаться. Голос дрожал от волнения.

– Я и не кричу, – также резко ответил Аравин. – Я громко выражаюсь.

Стася отвернулась, чувствуя, что сейчас заплачет. Сквозь пелену уставилась на горящие огни вечернего города. Пыталась справиться с собой. Но ком в горле не отпускал. Давил безжалостно и болезненно.

– Ты ничего не понимаешь, – не удержавшись, сказала она, уже не обращая внимания на дрожь в голосе. Плевать! На все плевать уже! – Такой же, как все! Безразличный! Заикленный на своем... – хотела сказать «горе», побоялась, так и оставила фразу оборванной и продолжила: – Не стремишься увидеть, что вокруг тебя есть еще что-то. Или кто-то!

Аравин зло выдохнула на этот сопливый монолог. Ненавидел подобные разговоры. Ненавидел чрезмерную эмоциональность в людях.

Схватив ее за руку, чуть выше локтя, развернул к себе. Уперся взглядом прямо в испуганные глаза девчонки. Увидел застывшие слезы. Но виду не подал.

– Если хочешь что-то сказать, имей смелость говорить в лицо.

Влажная зелень остро светила упреком и обидой.

– Нет, я не такой как все. Потому что я не позволю себе врать! Хочешь – плачь. Истеки слезами. Изрыдайся! Но это была твоя последняя тренировка, – твердо и жестко сказал Егор.

Словно дождавшись разрешения, горячие ручьи заструились по ее щекам. Сердце в его груди протестующе сжалось и заныло. Но Аравин мастерски запихнул эти переживания поглубже, не давая слабину перед вздумавшем встать на дыбы сердцем. Сознательно давно этого не приходилось делать, но сноровка осталась. Встретил ее отчаянно-несчастный взгляд холодно и безразлично.

– Ты лично скажешь бабе Шуре, что лгала. Но, если ты еще посмеешь врать нам, последует более серьезное наказание.

– Какое? – буквально крича, спросила она, ощутимо всхлипывая. – Дашь мне ремня?
– губы искривились в надрывном плаче.

– Вполне возможно, – сухо ответил Егор.

И хотя он так и не сорвался на крик, эта стальная сдержанность показался Стасе куда обиднее. Больно резала по чувствам нещадными ударами.

«Лучше бы ты орал, Аравин!» – подумала она.

Но вслух сказала другое:

– Ты просто бесчеловечный!

– О, я бессовестно человеческий. Поверь, ты поймешь это немного позже.

– Как же!!! У тебя просто нет сердца! НЕТ!

После этого крика безотчетно полыхнул ее яростным взглядом. Но тут же снова взял себя в руки.

– Садись в машину, сладкая Настя, – вкрадчиво сказал и протянул ей темно-бордовый носовой платок. – Иначе, тебе не понравится то, что я могу тебе рассказать.

– Моя фамилия Сладкова! – раздражено закричала она, громко шмыгнув носом в платок. – Сладкова!!!

– Я знаю, как твоя фамилия, – все также спокойно ответил он.

Конец ознакомительного фрагмента.

Ссылка на книгу автора

<https://litnet.com/ru/book/neosporimaya-ya-kuplyu-tebe-novuyu-zhizn-b60057>